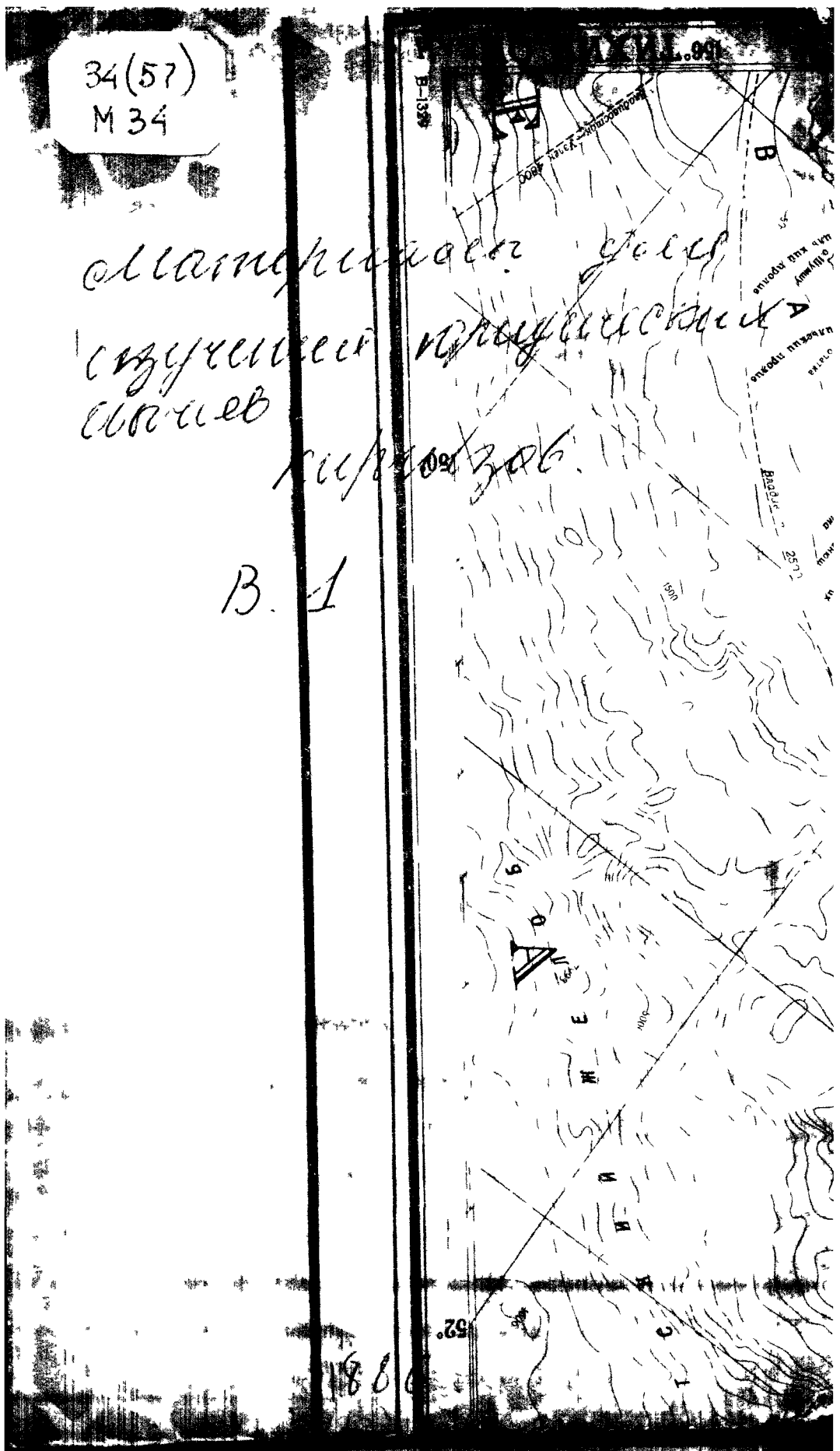

34(57)
M 34

Матрица для
создания матрицы
объектов
субъектов

B. 1

157
11-34
УК

9(57) 11-34
У-К_а

Из библиотеки
не выдается

СЕМИПАЛАТИНСКІЙ ОБЛАСТНОЙ СТАТИСТИЧЕСКІЙ КОМИТЕТЪ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

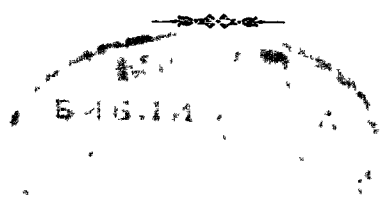
ИЗУЧЕНІЯ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ

КИРГИЗОВЪ

инв. 4640
5/2011

ВЫПУСКЪ I.

МАТЕРІАЛЬНОЕ ПРАВО.

ОМСКЪ.
Типогр. Округа. Штаба.
1886.

31

1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900
1901
1902
1903
1904
1905
1906
1907
1908
1909
1910
1911
1912
1913
1914
1915
1916
1917
1918
1919
1920
1921
1922
1923
1924
1925
1926
1927
1928
1929
1930
1931
1932
1933
1934
1935
1936
1937
1938
1939
1940
1941
1942
1943
1944
1945
1946
1947
1948
1949
1950
1951
1952
1953
1954
1955
1956
1957
1958
1959
1960
1961
1962
1963
1964
1965
1966
1967
1968
1969
1970
1971
1972
1973
1974
1975
1976
1977
1978
1979
1980
1981
1982
1983
1984
1985
1986
1987
1988
1989
1990
1991
1992
1993
1994
1995
1996
1997
1998
1999
2000

ПЕЧАТАНИЕ РАЗРЕШЕНО СЕМИПАЛАТИНСКИМЪ ОБЛАСТНЫМЪ СТАТИСТИЧЕСКИМЪ
КОМИТЕТОМЪ (ПОСТАНОВЛ. 8-ГО ОКТЯБРЯ 1885 Г.)

ДЛ
сч
пол

раз
гра
но
отв
чен
и
тис
для
ста

зна
тог
и
раб

меж
сбор
дроб
гоч
был
лати
прав
Пол

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ изданію настоящаго 1-го выпуска матеріаловъ для изученія юридическихъ обычаевъ современныхъ киргизовъ, считаемъ не лишнимъ указать, какъ на источники, которыми пользовались составители, такъ и на способъ собранія матеріала.

Въ мартѣ 1882 года г. генераль-губернаторъ Западной Сибири разослалъ уѣзднымъ начальникамъ Семипалатинской области программу для собранія юридическихъ обычаевъ инородцевъ Западной Сибири, съ требованіемъ собрать по вѣреннѣмъ уѣздамъ отвѣты на предложенныя въ программѣ вопросы. Три изъ означенныхъ программъ, по уѣздамъ Семипалатинскому, Павлодарскому и Каркаралинскому были препровождены въ Семипалатинскій статистическій комитетъ и они-то послужили главнымъ матеріаломъ для настоящаго выпуска, составленіе котораго было возложено статистическимъ комитетомъ на члена его П. Е. *Маковецкаго*.

Сведеніе означенныхъ выше 3-хъ сборниковъ встрѣтило однако значительныя затрудненія, вытекавшія главнымъ образомъ изъ того, что собиратели различно поняли возложенныя на нихъ задачи и эти затрудненія, потребовавшія кое-какихъ дополнительныхъ работъ, затормозили самое изданіе.

Главнымъ препятствіемъ были многочисленныя противорѣчія между всѣми 3-ми сборниками. Такъ, въ самомъ лучшемъ изъ сборниковъ, по Каркаралинскому уѣзду, рядомъ съ точными и подробными указаніями существующихъ обычаевъ встрѣчались многочисленные ссылки на древніе обычаи, причемъ первые не всегда были отдѣлены отъ послѣднихъ; составитель сборника по Семипалатинскому уѣзду собралъ въ одно древніе и современныя обычаи, правила, заимствованныя изъ корана и нововведенія Временнаго Положенія объ управленіи въ Степныхъ областяхъ; что-же ка-

II

сается Павлодарскаго уѣзда, то весь отдѣлъ о семейномъ правѣ составленъ на основаніи правилъ шаріата, примѣненныхъ къ киргизской жизни муллою Якія (кирг. Джакай), но никогда не входившихъ въ употребленіе между киргизами. Столь различное отношеніе трехъ сборниковъ вызвало необходимость прѣвѣрки ихъ и пополненія всего матеріала, что и было сдѣлано составителемъ посредствомъ устныхъ распросовъ въ степи и путемъ изученія подлинныхъ рѣшеній біевъ.

При этомъ было обращено вниманіе на возможно точное отдѣленіе старыхъ обычаевъ отъ новыхъ, отъ заимствованій изъ магометанскаго шаріата и отъ нововведеній. Встрѣчающіяся въ текстѣ указанія на старыя обычаи, относятся преимущественно къ правиламъ, установленнымъ при ханѣ Азъ-Тауке.

Преданіе говоритъ, что ханъ Тауке собралъ на уроч. Куль-Тюбе (въ нынѣшней Сыръ-Дарьинской области) семь біевъ, въ числѣ которыхъ былъ знаменитый бій Туле Алимбековъ и эти бии соединили старыя обычаи хановъ Касыма и Ишима („Касымъ ханнинъ каскы джоль“, т. е. чистая дорога хана Касыма и „Исымъ ханнинъ иски джоль“, т. е. древняя дорога хана Ишима) въ новыя обычаи, называемыя „джеты джарга“. Эти обычаи не были записаны, но составители облекли ихъ въ форму краткихъ изрѣченій и пословицъ, въ значительной части сохранившихся до сихъ поръ между киргизами и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ. Многие изъ нихъ помѣщены въ текстѣ.

Въ настоящій выпускъ вошло матеріальное право. Предполагаемый слѣдующій выпускъ обниметъ собою систему взысканій по преступленіямъ и проступкамъ и обычаи, касающіеся процесса (присяга, свидѣтельскія показанія).

І. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.

Б Р А К Ъ.

Современный киргизскій бракъ представляетъ весьма сложный институтъ, въ которомъ отдѣльныя, историческія наслоенія, образовавшіяся въ значительной части подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, до настоящаго времени не успѣли слиться въ одно стройное цѣлое. Не говоря уже объ остаткахъ первобытныхъ формъ, какъ увозъ невѣсты, проглядывающихъ въ отдѣльныхъ свадебныхъ обрядахъ и о развитіи обычаевъ, касающихся брака въ періодъ киргизской самостоятельности, здѣсь укажемъ на вліяніе корана и началъ І ч. X т. Св. З. Первое, т. е. вліяніе корана, распространяется среди киргизовъ, благодаря мулламъ и появляющимся отъ поры до времени въ степи ходжамъ. У киргизовъ каждый грамотный магометанинъ можетъ замѣнить муллу и, благодаря тому, что онъ приобретаетъ свои знанія изъ корана, замѣняетъ священника вполнѣ въ духѣ магометанскаго закона и правилъ, установленныхъ кораномъ.

Вліяніе русское, начавшееся гораздо позже вліянія магометанства, выразилось и продолжаетъ выражаться не столько въ отдѣльныхъ правилахъ или положеніяхъ, сколько во введеніи новыхъ принциповъ, діаметрально противоположныхъ исконнымъ взглядамъ киргизовъ. Сюда мы относимъ прежде всего принципъ уваженія къ женщинѣ, къ ея праву свободно распоряжаться личностью своею, заключать бракъ по своему выбору и отказываться отъ мужа, навязываемаго ей, по обычаю, родомъ.

Ограничиваясь этими немногими общими замѣчаніями, отложимъ болѣе подробное указаніе на вліяніе внѣшнихъ элементовъ, т. е. корана и І ч. X т. до описанія отдѣльныхъ правилъ и обычаевъ, къ которому и переходимъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ БРАКА.

По древнимъ обычаямъ, установленнымъ, какъ говоритъ преданіе, при ханѣ Тауке, брачный возрастъ для мужчинъ опредѣлялся въ 15 лѣтъ, а для женщинъ въ 16. Установленіе болѣе поздняго возраста для женщинъ вызывалось особенностью киргизской семейной жизни, въ которой, какъ извѣстно, всѣ заботы по хозяйству и тяжесть домашнихъ работъ падаютъ на женщину, почему отъ послѣдней требуется большая степень умственной и физической зрѣлости. Съ теченіемъ времени обычай этотъ утратилъ обязательную силу и теперь у киргизовъ не существуетъ опредѣленнаго возраста, ранѣ котораго вступленіе въ бракъ не допускалось бы, точно такъ, какъ не опредѣляется крайній предѣлъ для этого. Ранніе браки вызываются различными побужденіями: желаніемъ породниться съ вліятельнымъ родомъ, получить калымъ, имѣть (у бѣдныхъ) лишнюю работницу въ семьѣ и т. п.

Необходимо также различать древній и новый обычай по отношенію къ степенямъ родства и свойства, въ которыхъ бракъ запрещается. Между тѣмъ, какъ въ древнее время бракъ запрещался между родственниками до 7-го колѣна включительно, въ настоящее время запрещаются лишь браки между восходящими и нисходящими въ прямой линіи, въ боковыхъ линіяхъ до 3-й степени включительно и затѣмъ бракъ на мачихѣ, падчерицѣ, снохѣ и тещѣ и наконецъ бракъ на сестрѣ жены и дочери ея брата до тѣхъ поръ, пока жена находится въ живыхъ. Бракъ между двоюродными братьями и сестрами, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны допускается.

Браки у киргизовъ заключаются почти всегда по исключительному соглашенію между собою родителей или старшихъ въ родѣ, — волею жениха и невесты въ этомъ случаѣ не придается никакого значенія: женихъ и невеста иногда находятся еще въ колыбели во время заключенія первоначальнаго договора сватовства. Лишь въ самое послѣднее время, въ Семипалатинскомъ уѣздѣ, сталъ распространяться обычай, по которому невеста, старше жениха на 6 лѣтъ и болѣе, не можетъ быть принуждена выйти за него

замужь противъ своей воли. Случаи отказовъ встрѣчаются, конечно, какъ со стороны жениха, такъ и невѣсты, но они очень рѣдки и влекутъ за собою крайне невыгодныя въ матеріальномъ отношеніи послѣдствія для всей семьи отказавшагося. Необходимымъ условіемъ всякой киргизской свадьбы представляется сопряженное со многими и сложными обычаями сватовство, длящееся иногда 10 и болѣе лѣтъ. Сватовство у киргизовъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ актовъ, такъ сказать, укрѣпляющихъ постепенно первоначальное соглашеніе и возлагающихъ на обѣ стороны постоянно увеличивающуюся матеріальную отвѣтственность въ случаѣ нарушенія обязательства.

Первымъ моментомъ служитъ *соглашеніе* между отцами жениха и невѣсты о сватовствѣ и количествѣ калыма, причемъ отецъ жениха обязанъ сдѣлать отцу невѣсты подарокъ „каргабау“. Нарушеніе этого соглашенія влечетъ за собой для отца невѣсты—возвращеніе подарка и, кромѣ того, платежъ штрафа; для отца жениха—потерю „каргабау“. За предварительнымъ соглашеніемъ слѣдуетъ формальное предложеніе, нерѣдко отдѣленное отъ перваго соглашенія многими годами (напр. если женихъ или невѣста во время соглашенія находились въ колыбели или очень раннемъ возрастѣ). Формальное предложеніе дѣлается черезъ почетныхъ сватовъ „кудаларь“, отправляемыхъ отцомъ жениха къ отцу невѣсты. Сватамъ дѣлаются подарки „китъ“, смотря по ихъ достоинству: чѣмъ почетнѣе свать, тѣмъ цѣннѣе дѣлаемый ему отцомъ невѣсты подарокъ. Самый цѣнный подарокъ дѣлается отцу жениха, и подарокъ этотъ обязателенъ даже въ томъ случаѣ, если отецъ жениха не находится въ числѣ сватовъ. Во время формальнаго сватовства отецъ невѣсты устраиваетъ для сватовъ пирь (той куда тюсеръ), сопровождающійся закланіемъ бѣлаго барана и прочтеніемъ надъ нимъ молитвы (бата), а въ концѣ пира—ѣдою особаго кушанья „куйрюкъ-бауръ“. Куйрюкъ-бауръ состоитъ изъ печени и курдючнаго сала бѣлаго барана, накрошенныхъ въ бульонъ, разведенный куртумъ¹⁾. Моментъ закланія барана считается освященіемъ договора, что выражается слѣдующей поговоркой:

¹⁾ Родъ сыра.

„акъ койныкъ каны, акъ бата окуганы“, т. е. пролита кровь бѣлаго барана, прочитана чистая молитва.

Куйрюкъ-бауръ имѣеть символическое значеніе: бауръ, печень, означаетъ также всѣхъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ; кушая одну печень, сваты становятся какъ-бы братьями. Сало-же, олицетворяя скоть, играющій столь важное значеніе въ быту киргизовъ, указываетъ какъ-бы на обмѣнъ скотомъ. Юридическое значеніе „куйрюкъ-бауръа“ состоитъ въ томъ, что кушанье это, подаваемое исключительно при сватовствѣ, служить на судѣ биевъ непреложнымъ доказательствомъ сватовства. Такъ, въ случаѣ спора о томъ, имѣло-ли сватовство мѣсто, бии спрашиваютъ: кушали-ли куйрюкъ-бауръ и при утвердительномъ отвѣтѣ считаютъ фактъ сватовства доказаннымъ. Угощеніе куйрюкъ-бауръомъ не составляетъ впрочемъ въ настоящее время необходимой принадлежности сватовства; богатые и почетные киргизы, вполне довѣряющіе другъ другу, иногда избѣгаютъ угощенія куйрюкъ-бауръомъ.

Послѣдствія нарушенія договора сватовства послѣ формальнаго предложенія весьма тяжки для виновнаго: отецъ невесты лишается подарковъ „китъ“ и платитъ обиженному штрафъ отъ одного до трехъ тогузовъ (тогузъ—девять скотинъ), отецъ жениха, кромѣ такого же штрафа, обязанъ возратить отцу невесты стоимость всѣхъ подарковъ и издержки на угощеніе сватовъ.

Послѣднимъ актомъ сватовства есть *поѣздка отца невесты* или сватовъ его въ аулъ отца жениха за полученіемъ калыма или части его. Отецъ жениха обязанъ при этомъ случаѣ сдѣлать пріѣзжимъ подарки, менѣе цѣнные однако, нежели подарби отца невесты, уплатить заранѣе условленную часть калыма и приготовить угощеніе. Поѣздки со стороны отца невесты совершаются до полученія *всего условленнаго калыма*, но подарки и угощеніе обязательны для отца жениха только во время перваго пріѣзда свата.

За невесту, со стороны жениха полагается плата, называемая *калымъ* или *калымъ-малъ*. Она разнообразится, смотря по состоянію сватовъ и вообще по мѣрѣ возрастанія различія въ экономическомъ положеніи киргизовъ, замѣчается пониженіе минимальнаго и возрастаніе максимальнаго размѣровъ калыма.

Въ прежнее время калымъ дѣлился на три разряда: „домалакъ-кркъ-джеты“—калымъ въ 47 3-хъ лѣтнихъ кобылъ (байталъ), „отузъ-джеты“—въ 37 кобылъ и „джигирма джеты“—въ 27 кобылъ. Къ высшему калыму, въ 47 головъ, полагалось двѣ приплаты: бась-джаксы и аякъ-джаксы. Приплаты эти обязательныя въ случаѣ назначенія высшаго калыма (47 головъ), возрастая постепенно, дошли въ настоящее время—бась-джаксы до стоимости 5 верблюдовъ, а аякъ-джаксы до стоимости 4 верблюдовъ. Уплачивая этотъ высшій калымъ, отецъ жениха даетъ не 47 3-хъ лѣтнихъ кобылъ, а 32 взрослыхъ лошади и 9 верблюдовъ. Такъ какъ 9 верблюдовъ равняется 45 лошадямъ, то цѣлый калымъ равняется 77 лошадямъ (32+45) и этотъ калымъ носить особое названіе „джаксылы-кркъ-джеты“.

Самые богатые киргизы не довольствуются однако и этимъ громаднымъ калымомъ и назначаютъ ему иногда еще большіе размеры, напр. въ 100 верблюдовъ.

На ряду съ возростаніемъ высшаго калыма, замѣчается уменьшеніе низшаго его разряда. Въ настоящее время низшимъ считается калымъ въ 17 головъ—„онъ-джеты“, но и это не всегда соблюдается и иногда случается, что бѣдные люди довольствуются калымомъ въ 2 лошади. Калымъ поступаетъ въ непосредственное распоряженіе отца невѣсты, сливается съ остальнымъ его имуществомъ и переходитъ послѣ его смерти къ его наслѣдникамъ, какъ и все остальное имущество. Сама невѣста никакихъ правъ на калымъ не имѣетъ. Уплачиваемый скотомъ, или деньгами въ соответствующемъ количествѣ, калымъ составляетъ гордость киргизовъ; чѣмъ больше калымъ, тѣмъ больше богатство значеніе и почетность отцовъ невѣсты и жениха, которые поэтому стараются назначить по возможности высшій калымъ. Понятно, что при такомъ взглядѣ отработываніе калыма женихомъ не можетъ имѣть мѣста. И въ самомъ дѣлѣ, случаевъ отработыванія его у киргизовъ никогда не бываетъ.

У бѣдныхъ киргизовъ случается, что женихъ, если у него нѣтъ родственникововъ, переходитъ къ тестю, присоединяетъ свой скотъ къ стаду послѣдняго и становится подъ его главенство, а послѣ

смерти тестя участвуетъ въ дѣлѣхъ наслѣдства на правахъ одного изъ среднихъ сыновей. Обычай этотъ носить названіе „кушкйовъ“; онъ встрѣчается рѣдко и не пользуется симпатіей киргизовъ: „калндагы кійсуденъ каргысы джокъ тазы артыкъ“, т. е. непривязанной собакой лучше быть, чѣмъ зятемъ, привязаннымъ у тестя.

Мѣна дочерей, для отдачи ихъ въ замужество за сыновей, встрѣчается только у бѣдныхъ киргизовъ. При мѣнѣ за старшую дѣлается отцу ея небольшая приплата, не превышающая 3—4 лошадей. Мѣна дочерей называется „карыс-куда“, т. е. встрѣчное сватовство.

При существующемъ у киргизовъ подчиненіи всей семьи главѣ ея и при обычаяхъ раннихъ браковъ, почти всѣ браки заключаются лишь съ согласія родителей жениха и невесты или же заступающихъ мѣсто родителей старшихъ въ родѣ, которые и получаютъ въ послѣднемъ случаѣ калымъ. Побѣги по тайному уговору жениха и невесты, или увозъ невесты женихомъ считается нарушеніемъ правоваго обычая, влекущимъ за собою весьма чувствительную репрессію. Такъ, въ случаѣ побѣга просватанной невесты съ женихомъ ея, отношенія, касающіяся уплаты калыма не прекращаются и отецъ жениха обязанъ доплатить остальной калымъ, къ которому женихъ доплачиваетъ штрафъ отъ одного до трехъ тогузовъ, смотря по состоянію. Къ уплатѣ калыма и штрафа приговариваются даже несостоятельные, но имъ дѣлается бѣгми разсрочка. Точно также рѣшаются дѣла и по отношенію къ человѣку, увезшему непросватанную за него дѣвицу, съ тѣмъ лишь разсчетомъ, что въ послѣднемъ случаѣ съ отца жениха, если онъ несостоятеленъ, взыскивается неполный калымъ.

Вообще, возбужденіе дѣла о побѣгѣ дочери зависитъ исключительно отъ ея отца, который можетъ простить ее, обратиться въ суду бievъ или-же порвать всякія сношенія съ бѣжавшей, увезшимъ ее и родомъ увезшаго. Последнее вызываетъ родовую вражду между родами бѣжавшихъ и приводитъ къ нескончаемымъ барантамъ, искамъ и служитъ поводомъ для возбужденія уголовныхъ дѣлъ.

Значеніе, придаваемое киргизами сватовству и сопряженные съ

ПО
ОТ
НИ
ИМ
ЛИ
НЫ
КО
ЧА
А
ХА
СЛ
ОБ
ОТ
ЛИ
УВ
О
ДО
СЛ
Ц
НИ
ЕГ
Ч
В
В
Ж
В
П
К
Л
К
С
К
О

последнимъ значительные расходы, вліяютъ на то, что возможность отказа женихомъ невѣстѣ, либо невѣстой жениху стѣснены до крайнихъ предѣловъ. Въ сущности, поводовъ, узаконяющихъ отказъ, имѣется только два: неизлѣчимая болѣзнь или увѣчье жениха либо невѣсты, скрытыя передъ другой стороной и ставшія извѣстными уже послѣ сватовства, и обманъ со стороны жениха, напр. когда бѣдный выдавалъ себя за богатаго. Къ этимъ двумъ случаямъ въ последнее время присоединился третій, упомянутый выше, а именно: невѣста можетъ послѣ сватовства отказаться отъ жениха, который моложе ея болѣе чѣмъ на шесть лѣтъ. Подобные случаи бывають послѣ смерти перваго жениха, когда невѣста обязана по обычаю выйти замужъ за его брата. Иныхъ поводовъ отказа киргизскіе обычаи не знаютъ и въ старину, если невѣста либо женихъ отказывались по какимъ-либо причинамъ, кромѣ указанныхъ выше, то ихъ заставляли силой вступать въ бракъ. Обычай этотъ проводился настолько послѣдовательно, что женихъ долженъ былъ жениться на просватанной невѣстѣ даже въ томъ случаѣ, если онъ уже женился на другой. Въ настоящее время, прежній взглядъ на обязательность брака послѣ сватовства сохранился въ принципѣ, но мѣры, принимавшіяся для осуществленія его въ жизни, измѣнились. Грубое насиліе замѣнилось болѣе утонченной системой гражданскихъ взысканій, штрафовъ.

По отношенію къ штрафамъ различаются два періода: первый—съ возникновенія сватовства до момента уплаты калыма и второй—послѣ уплаты калыма и перваго посѣщенія невѣсты женихомъ.

Послѣдствія нарушенія договора въ первый періодъ изложены выше; отказъ-же во второмъ періодѣ, т. е. послѣ перваго посѣщенія „урунъ-келю“, влечетъ для жениха потерю уплаченнаго калыма, для невѣсты-же—обязанность возвратить полученный калымъ и сверхъ того доплатить штрафъ до 3-хъ тугузовъ. За отказавшимися, женихомъ и невѣстой, сохраняется право вторично свататься. Отъ перваго посѣщенія невѣсты женихомъ—„урунъ-келю“, которое допускается только послѣ полной уплаты калыма, отличается еще посѣщеніе, предшествующее полной уплатѣ ка-

лыма—„джасырынъ-келю“ и окупаемое какимъ-нибудь незначительнымъ подаркомъ, напр. бараномъ. Значеніе этого посѣщенія выражается въ томъ, что оно вліяетъ на увеличеніе установившагося штрафа въ томъ случаѣ, если женихъ откажется отъ невѣсты до „урунъ-келю“.

Какъ на особенность киргизскаго быта слѣдуетъ указать на слѣдующій случай, вызывающій довольно часто притворное сватовство и отказъ отъ него. Богатый киргизъ, у котораго барантчи угнали весь скотъ, или значительную часть его и который не можетъ получить его обратно, сватается съ какимъ-либо вліятельнымъ человѣкомъ одного съ барантчами рода и при помощи его получаетъ скотъ свой обратно, послѣ чего отказывается отъ сватовства. Отказъ считается тяжкимъ оскорбленіемъ для другой стороны и служитъ весьма и весьма часто причиной продолжительной родовой вражды.

Киргизы смотрятъ на сватовство не какъ на предполагаемую связь между опредѣленными личностями, женихомъ и невѣстой, а какъ на связь между двумя семействами, къ которымъ принадлежатъ женихъ и невѣста, слѣдовательно сватовство не прекращается со смертью жениха либо невѣсты. Въ случаѣ смерти жениха, невѣста переходитъ къ одному изъ его братьевъ, по преимуществу холостому, или при неимѣніи таковыхъ, къ ближайшему родственнику въ боковыхъ линіяхъ. „Ага ульсе—джене мурасъ; атъ ульсе—сауры мурасъ“, т. е. если умереть братъ, то сноха—наслѣдство; если подохнетъ лошадь, то шкура—наслѣдство. Если женихъ посѣщалъ невѣсту, то послѣ его смерти, родители невѣсты привозятъ ее въ траурной повязкѣ въ аулъ умершаго и здѣсь она оплакиваетъ покойнаго въ теченіи года, а затѣмъ **выходитъ замужъ за брата умершаго или его родственника**. Родителямъ умершаго жениха дѣлаются родителями невѣсты утѣшительные подарки—„аза“.

Послѣ смерти невѣсты, за жениха отдается ея младшая сестра, а если таковой не имѣется, то—одна изъ близкихъ родственницъ. Въ случаѣ если оставшіяся сестры въ слишкомъ нѣжномъ возрастѣ, то одна изъ нихъ выходитъ замужъ, за тотъ-же калымъ,

за одного изъ младшихъ братьевъ жениха, а послѣдній вступаетъ въ новое сватовство. Калымъ возвращается лишь въ томъ случаѣ, если некого отдать вмѣсто умершей.

Большое значеніе, въ случаѣ смерти невесты, имѣетъ моментъ перваго посѣщенія—„урунъ-келю“. Женихъ, котораго невеста умерла послѣ урунъ-келю, доплачиваетъ за ея сестру или родственницу въ калыму въ 27 головъ—верблюда и лошадь, а къ калыму въ 47 головъ 4—5 верблюдовъ. Если же некого выдать за жениха, имѣвшаго съ умершей тайное свиданіе, то ему возвращается только половина уплаченнаго калыма.

Какъ отецъ жениха обязанъ уплатить калымъ, такъ отецъ невесты обязанъ дать за дочерью приданое „джасау“. Размѣры послѣдняго однако не опредѣляются обычаями, и стороны не заключаютъ условія на счетъ приданнаго. Отецъ невесты, смотря по своему желанію, можетъ дать приданое или болѣе или менѣе противъ калыма. Обыкновенно люди бѣдные и средніе даютъ менѣе, нежели получаютъ и выдача дочери замужъ составляетъ для нихъ доходную статью. Богатые, въ особенности потребовавшіе калымъ свыше 77 головъ, считаютъ своею обязанностью возвратитъ въ приданомъ покрайней мѣрѣ всю стоимость полученнаго калыма. Все приданое, въ отличіе отъ калыма, состоящаго изъ скота или денегъ, заключается преимущественно въ вещахъ: одеждѣ, бѣльѣ, коврахъ, домашней утвари, юртѣ и т. п. Къ этому присоединяются лишь верховая лошадь для невесты и вьючный верблюдъ. По старинному киргизскому обычаю, всѣ вещи, за исключеніемъ „саукеле“ (см. н.) и предметовъ роскоши, обязательно давались въ девяти экземплярахъ. Въ настоящее время обычай этотъ не соблюдается, и между тѣмъ, какъ богатые даютъ иногда по 40 шт. каждой вещи, бѣдные даютъ лишь по одной вещи, да и то не въ полномъ наборѣ.

Полный наборъ заключается въ себѣ слѣдующія вещи: лошадь—атъ, верблюда—тюз, юрту—утау, сѣдло—эръ, сѣдельный приборъ: потникъ—олбуръ, женскія стремена—узенгы, нагрудникъ—умульдурекъ, потфею—куюсканъ, узду—джугень, покрывало на переднюю часть сѣдла—уртукъ-миндеръ, покрывало на заднюю часть

сѣдла и лошади — джамчи, плеть — ваччи; посуда: котель — вазанъ, таганъ — очагъ, чашка — аякъ, блюдо — табакъ, ковшъ — чомушъ, ложка — касыкъ, умывальникъ — кумганъ; мебель: кровать — тюсекъ-агачъ, сундукъ для съѣстныхъ припасовъ — кебенже, ящикъ для платья — абдра; платье: головной уборъ — саукеulé, накидка — джелекъ, рубаха — вуйлюкъ, штаны — дамбалъ, сапоги — ётыкъ, халать шитый — тонъ, шуба — ишикъ, опояска — бильбеу; постель: тюфякъ — тюсекъ, подушка — джистыкъ, одѣло — курпе, занавѣсь — чимылдыкъ, кошма, украшенная узорами — тусъ-кызъ; предметы роскоши: коверъ — клемъ, попона — алача, кошма шитая — сырмакъ и т. д.

Изъ всѣхъ означенныхъ предметовъ имѣютъ специально свадебное значеніе только джелекъ и саукеulé. Джелекъ — накидка дѣлается преимущественно изъ красной матеріи и носится новобрачной въ теченіи цѣлаго года. Саукеulé есть высокій, конусовидный колпакъ изъ кошмы, оклеенный внутри и снаружи краснымъ и чернымъ сукномъ и богато украшенный золотомъ, серебромъ, кораллами, жемчугомъ и камнями. Сверху къ нему прикрѣпляется нѣсколько черныхъ перьевъ, а снизу нѣсколько шнуровъ коралловъ и жемчуга, спадающихъ ниже колѣнъ. Саукеulé надѣвается при пріѣздѣ новобрачной въ ауль родителей жениха. Уборъ этотъ, по своей дороговизнѣ недоступный для бѣдныхъ и среднихъ людей, крайне тяжелъ, неудобенъ и безобразенъ. Этимъ объясняется, вѣроятно, то, что онъ въ настоящее время выходитъ изъ употребленія и вмѣсто него даже богатые предпочитаютъ дать дочери какой-нибудь другой предметъ роскоши напр. тарантасъ.

Саукеulé замѣчательно еще тѣмъ, что оно остается всегда собственностью новобрачной и возвращается въ ея родъ, если она умерла бездѣтной.

Между сватовствомъ и формальнымъ бракомъ у киргизовъ проходитъ большею частью много времени. Нерѣдко женихъ, даже послѣ уплаты всего калыма, выжидаетъ по году и болѣе, пока родители невесты изготовятъ приданое и согласятся отпустить ее въ ауль жениха. Во все это время женихъ имѣетъ право посѣщать свою невесту. Посѣщенія эти, хотя они и дѣлаются съ

вѣдома родителей невѣсты, считаются тайными и сопровождаются, въ особенности первое „урунь-келю“, массой своеобразныхъ обычаевъ (см. ниже).

Когда наконецъ приданое готово и наступаетъ условленное время, то женихъ отправляется съ товарищами въ аулъ отца невѣсты.

Свадьбы совершаются у киргизовъ во всякое время. Избѣгаютъ только несчастнаго мѣсяца „Сафаръ-айтъ“ и поста „уразы“; впрочемъ эти требованія магометанскаго духовенства соблюдаются только богатыми людьми.

Въ аулѣ отца невѣсты, свадьба празднуется пиромъ, байгой и и т. п. увеселеніями, длящимися по нѣскольку дней. Обрядъ вѣнчанія совершается лишь передъ самымъ отъездомъ молодыхъ и состоитъ, большею частью, въ прочтеніи бату муллою или какимъ-нибудь грамотнымъ киргизомъ. Для вѣнчанія женихъ и невѣста входятъ въ юрту родителей, гдѣ они остаются каждый за особой занавѣской. Занавѣса жениха поднимается, а занавѣса, за которой находится невѣста, опускается. По срединѣ юрты остаются родители невѣсты, по два свидѣтеля съ каждой стороны и совершающій бракъ. Мулла или замѣняющій его, читаетъ бату и спрашиваетъ вѣнчающихся, согласны-ли они вступить въ бракъ. Женихъ и невѣста могутъ не отвѣчать и молчаніе ихъ принимается за знакъ согласія. Если, однако, они отвѣчаютъ, то отвѣтъ долженъ быть обязательно данъ въ прошедшемъ времени, напр. на вопросъ: „желашь-ли вступить въ бракъ?“, должно отвѣтить: „я желалъ“ или „я желала“.

Въ прежнее время при вѣнчаніи приносилась чашка съ чистой водой, въ которую бросали серебро, жемчугъ и кораллы. Изъ этой чашки пили по глотку женихъ, невѣста и всѣ присутствующіе. Чашка и содержимое шли въ пользу муллы. У современныхъ киргизовъ обрядъ этотъ вышелъ изъ употребленія. Послѣ окончанія вѣнчанія, отецъ невѣсты обращается къ дочери со словами: „баламъ джеманъ болма атанга налетъ кельтересинъ“, т. е. живи такъ, чтобы меня не проклинали, а затѣмъ къ зятю: „баламъ хорлама кызынде, атагымде ультересинъ“, т. е. не оскорбляй жену, этимъ погубишь мою славу. Послѣ этого невѣста съ матерью от-

правляется въ путь, а послѣ ихъ отъѣзда женихъ прощается съ тестемъ и догоняетъ поѣздъ, съ которымъ прѣзжаетъ вмѣстѣ въ аулъ своего отца.

Въ прежнее время киргизы придавали дѣвственности новобрачной большое значеніе, какъ это можно судить по слѣдующему обычаю, называемому „дженге“ и сохранившемуся въ настоящее время лишь въ памяти стариковъ. Въ первую ночь, которую новобрачные (не имѣвшіе съ собою тайныхъ свиданій „урунъ-келю“) проводили вмѣстѣ, на постель ихъ клался кусокъ бѣлой шелковой матеріи— „неке джаулыкъ“. На другое утро, послѣ выхода жениха, двѣ выбранныя свахи входили въ юрту и матерію съ доказательствами непорочности несли матери невѣсты, отъ которой получали въ знакъ радости матерію и какіе-нибудь подарки, а затѣмъ оглашали по аулу о томъ, что невѣста оказалась невинной. Если женихъ лишилъ свою невѣсту невинности во время „урунъ-келю“, то онъ обязанъ былъ объявить объ этомъ свахамъ, которыя передавали извѣстіе матери невѣсты и всему аулу. Подруги невѣсты, послѣ подобнаго оповѣщенія, нападали на жениха, угрожая распороть брюхо его лошади, и ради умилостивенія получали подарки.

Найдя невѣсту лишенной дѣвственности, женихъ объявлялъ объ этомъ свахамъ, которыя несли извѣстіе матери невѣсты и затѣмъ объявляли отъ ея имени дочери, что она причинила ей много стыда и „сдѣлала лицо чернымъ“. Далѣе свахи старались разузнать виновнаго, дѣло переходило на судъ биевъ и съ виновнаго взыскивался въ пользу жениха штрафъ въ одинъ тогузъ. Кроме того отецъ невѣсты билъ свою жену за то, что она не сумѣла предохранить дочь свою отъ соблазна, а женихъ заявлялъ родителямъ невѣсты черезъ нарочно посланнаго человѣка о своемъ неудовольствіи. Если оказывалось, что виновными были сами родители, напр. если они продали дочь свою, то женихъ могъ потребовать младшую дочь или возврата калыма. Обычай, соблюдавшійся въ случаѣ если невѣста оказывалась лишенной невинности, называются „катынъ-чекты“, т. е. бабой вышла. Въ настоящее время за женихомъ, который найдетъ свою невѣсту лишенной невинности,

сохраняется право взять обратно калымъ и отказаться отъ свадьбы, но онъ долженъ доказать свидѣтельскими показаніями виновность невесты; „китъ“ при этомъ пропадаютъ. Впрочемъ это бываетъ только у богатыхъ. Бѣдные обыкновенно довольствуются штрафомъ.

Родители невесты и женихъ во все время сватовства не имѣютъ съ собою никакихъ непосредственныхъ сношеній. Какъ выше сказано, женихъ не ѣздитъ со сватами во время формальнаго предложенія, а если затѣмъ и пріѣзжаетъ посѣщать невесту, то посѣщенія эти считаются тайными и онъ во все время пребыванія въ аулѣ будущаго тестя тщательно скрывается какъ отъ него, такъ и отъ будущей тещи. Первая встрѣча съ тестемъ происходитъ при прощаніи, когда новобрачная отправляется въ аулъ мужа. Затѣмъ молодые не должны являться въ аулъ родителей невесты въ теченіи трехъ лѣтъ. Обычай этотъ, довольно стѣснительный для бѣдныхъ, нуждающихся во многомъ, въ особенности въ первое время самостоятельнаго хозяйства, нарушается ими довольно часто и на эти нарушенія смотрятъ киргизы весьма снисходительно. Въ отношеніи невесты обычай этотъ гораздо строже. Онъ требуетъ, чтобы невеста во всю свою жизнь скрывалась какъ отъ отца мужа, такъ и отъ всѣхъ его восходящихъ родственниковъ мужескаго пола. По пріѣздѣ въ аулъ мужа, невеста должна обязательно навѣстить свекра и свекровь въ праздничномъ нарядѣ, — но при этомъ лицо ея всегда закрыто и открывается лишь на одно мгновеніе при совершеніи обычая, называемаго „келынъ-курмдыкъ“, т. е. показаніе невесты (см. н.)

Съ этихъ поръ невестка и свекоръ избѣгаютъ взаимныхъ встрѣчъ и нерѣдко свекоръ, даже послѣ многолѣтнаго проживанія въ одномъ аулѣ, не узнаетъ своей невестки. Нѣкоторые киргизы, насмотрѣвшіеся на отношенія русскихъ семей, стараются искоренить этотъ обычай, но встрѣчаютъ при этомъ сильное противодѣйствіе въ особенности со стороны женщинъ. Существующая у киргизовъ пословица: „хатынъ кадыръ бельмейде-етынъ куреде; келынъ кадыръ бельмейде-бетынъ куреде“, т. е. жена не уважаетъ мужа, потому что часто видитъ его голое тѣло; све-

корь не будет уважать невестки, если будет часто видѣть ея лицо—едва-ли вѣрно передаетъ причину, по которой невестка скрывается отъ свекра. Во всякомъ случаѣ этотъ обычай въ значительной степени объясняетъ то, что у киргизовъ не встрѣчается случаевъ снохачества, которому должна-бы такъ сильно способствовать подчиненность членовъ семьи главѣ ея.

ОБРЯДЪ СВАТОВСТВА И СВАДЬБЫ У КИРГИЗОВЪ.

Киргизъ, заключившій предварительное условіе о сватовствѣ, обязанъ позаботиться о скрѣпленіи этого условія, о приданіи ему санкціи, требуемой народнымъ обычаемъ. Съ этой цѣлью онъ долженъ предпринять формальное сватовство, которое сопровождается обыкновенно всякой, доступной для киргиза, роскошью. Формальное сватовство происходитъ въ аулѣ родителей невесты, куда отправляются сваты, выбранные изъ числа самыхъ почетныхъ родичей жениха, а очень часто въ ихъ числѣ и отецъ послѣдняго. Чѣмъ знатнѣе сватающіеся, чѣмъ богаче они, тѣмъ больше посылается сватовъ, число которыхъ бываетъ иногда больше двадцати.

Приближаясь къ аулу отца невесты, сваты останавливаются въ ближайшемъ аулѣ родственниковъ послѣдняго, и оттуда посылаютъ извѣщеніе о своемъ пріѣздѣ. Отецъ невесты немедленно оповѣщаетъ своихъ родственниковъ и друзей о прибытіи сватовъ и приглашаетъ ихъ въ свой аулъ, распоряжается выставленіемъ юрты для гостей и наконецъ назначаетъ день, въ который сваты могутъ прибыть къ нему въ аулъ. Въ назначенный день сваты являются къ отцу невесты и тутъ, въ присутствіи собравшихся гостей, дѣлаютъ предложеніе, которое принимается и закрѣпляется колотьемъ бѣлаго барана и прочтеніемъ молитвы. За этимъ обрядомъ слѣдуетъ угощеніе и увеселенія, продолжающіяся, смотря по хлѣбосольству и состоятельности хозяина, по нѣсколькимъ днямъ. Пиръ состоитъ преимущественно изъ вареной баранины и конины, кумысу, чаю и пр., а увеселенія—изъ байги, борьбы, пѣнія мужскихъ и женскихъ хоровъ и солистовъ и киргизской музыки—балалайки, скрипки (кобузъ) и флейты (сыбызга). Во все время праздника, называемаго „той куда тосеръ“, самую печальную

роль играют виновники его, сваты — „кудаларъ“. Молодые женщины и девушки всевозможными способами потѣшаются надъ этими почтенными аксакалами (аксакаль — бѣлая борода — есть названіе киргиза, окруженнаго уваженіемъ, почетомъ). Ихъ пришиваютъ къ кошмамъ во время ѣды, водятъ къ колодцу и обливаютъ водою, запрягаютъ въ телѣги и заставляютъ возить себя и пр. Моментомъ расплаты для сватовъ служитъ послѣднее угощеніе. Тутъ подается между прочими кушаньями бауръ-куйрюкъ, приготовленный изъ печени и сала заколотога въ началѣ праздника бѣлаго барана.

Кушаньемъ этимъ, подаваемымъ исключительно при сватовствѣ, сваты угощаютъ хозяевъ и ихъ родню и подавая ѣду въ рукѣ, стараются размазать по лицу угощаемого. Поднимается общій хохотъ, суматоха и кутерьма, которая можетъ быть вполне приравнена киргизской кутерьмѣ, кончающей такъ называемыя байги съ кутерьмою. Во время угощенія раздаются сватамъ отцомъ невѣсты подарки, носящіе названіе „китъ“. Они достигаютъ у богатыхъ весьма значительныхъ размѣровъ и разнообразятся, смотря по достоинству получающаго подарокъ, такъ что самому почетному дается самая цѣнная вещь, а затѣмъ подарки уменьшаются. Впрочемъ отецъ жениха, хотя-бы онъ и не былъ самымъ почетнымъ, получаетъ лучший подарокъ, который вручается ему тутъ-же, если онъ въ числѣ присутствующихъ, или-же посылается на домъ со сватами.

Послѣ формальнаго предложенія отецъ невѣсты обязанъ отправиться со своими сватами въ аулъ отца жениха для полученія калыма за дочь.

Какъ время для пріѣзда сватовъ со стороны жениха опредѣляется отцомъ невѣсты, такъ отецъ жениха назначаетъ срокъ, въ который онъ отдастъ своему свату условленный калымъ. Къ этому опредѣленному времени отецъ невѣсты отправляется со сватами или же посылаетъ только однихъ сватовъ къ отцу жениха. Здѣсь повторяются тѣ-же церемоніи и угощенія, которыя имѣли мѣсто въ аулѣ невѣсты, съ тѣмъ лишь различіемъ, что здѣсь не обязательно угощеніе вуйрюкъ-баур'омъ и что отецъ жениха даетъ

сватамъ невѣсты жемѣ цѣнные подарки, нежели отецъ невѣсты. Калымъ платится публично въ концѣ праздника, или весь съ разу или по частямъ, смотря по условію и состоятельности. Въ уплатѣ калыма участвуетъ впрочемъ не одинъ отецъ жениха; туда вносятъ свою лепту и сваты жениха и участіе ихъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше полученный отъ отца невѣсты подарокъ. Если калымъ платится въ нѣсколько пріемовъ, то празднество при послѣдующихъ за первой уплатахъ не повторяется. Передача дальнѣйшихъ уплатъ происходитъ однако обязательно публично, при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, необходимыхъ на случай возникновенія какого-нибудь спора. По уплатѣ всего калыма, въ периодъ изготовленія приданого невѣсты, начинаются посѣщенія невѣсты женихомъ. Первое изъ этихъ посѣщеній— „урунь келю“—имѣетъ болѣе всего значенія и сопровождается самыми сложными обрядами. Отправляясь къ невѣстѣ, женихъ беретъ съ собою цѣлую свиту, состоящую изъ одного почетнаго киргиза „отагосы“ и самыхъ ловкихъ сверстниковъ. По пріѣздѣ въ ближайшій аулъ отъ аула невѣсты, онъ останавливается и, такъ же какъ и сваты, посылаетъ извѣщеніе о своемъ прибытіи, ожидая, чтобы его пригласили пріѣхать. Въ аулѣ невѣсты, немедленно по полученіи извѣщенія, собирается юрта для жениха на значительномъ разстояніи отъ юрты родителей невѣсты, а свахи между тѣмъ садятся на лошадей и спѣшатъ на встрѣчу гостю, чтобы пригласить его въ палатку. Та изъ свахъ, которая добѣжитъ раньше къ жениху, все время не слѣзающему съ лошади, получаетъ подарокъ, называемый „чауль-кельды“, т. е. прискакали. Затѣмъ весь походъ двигается по направленію къ юртѣ, у которой стоятъ собиравшія ее женщины въ ожиданіи обычаемъ освященнаго подарка „чатырь-байгозы“.

Войдя въ юрту, женихъ посылаетъ ближайшимъ родственникамъ невѣсты (матери, бабушкѣ, сестрамъ) привезенные съ собою подарки— „илю“, разнообразящіяся, смотря по состоянію жениха. „Илю“ дается всякими вещами: верблюды, ямбы, ковры, матерія и пр. и тутъ соблюдается слѣдующій порядокъ: самый цѣнный подарокъ дѣлается матери невѣсты, слѣдующій— ея бабушкѣ и

т. д., уменьшаясь, смотря по степени родства. Вместе съ „илу“ посылаются еще три рода подарковъ: „каде“, „уйге-креръ“, „джартысь“. Первые, т. е. каде предназначаются женамъ братьевъ и дядей невѣсты, ближайшимъ свойственницамъ ея, „уйге-креръ“ — самой невѣстѣ, а „джартысь“ — всѣмъ остальнымъ. Обычай дать означенные подарки считается настолько существеннымъ, что у киргизовъ существуетъ поговорка, по которой свадьба можетъ состояться скорѣе безъ калыма, чѣмъ безъ подарка. Кроме описанныхъ подарковъ, женихъ обязанъ во время перваго посѣщенія раздать еще массу разныхъ болѣе мелкихъ, при исполненіи отдѣльныхъ обрядовъ и съ этой цѣлью онъ имѣетъ всегда при себѣ сопровождающаго его джигита „кіеу-джигитъ“, который держитъ за пазухой нѣсколько подарковъ. Вообще, подарками завѣдуетъ „кіеу-джигитъ“; онъ предъявляетъ ихъ родственницамъ невѣсты по приѣздѣ жениха въ аулъ и онъ, въ случаѣ если они будутъ признаны удовлетворительными, распределяетъ ихъ по назначенію, за исключеніемъ лишь „джартысь“, который цѣликомъ передается матери невѣсты и ею уже распределяется по усмотрѣнію. Киргизки весьма требовательны по отношенію къ подаркамъ и въ прежнее время, разсмотрѣвъ ихъ, онѣ нерѣдко заявляли, что подарки слишкомъ ничтожны, что онѣ стыдятся принять ихъ и не допуская жениха до пожатія руки невѣстѣ. Въ такомъ случаѣ женихъ или отправлялся назадъ или посылалъ одного изъ джигитовъ за новыми подарками.

Въ настоящее время подобныхъ случаевъ не бываетъ, но съ другой стороны надо признать, что каждый киргизъ старается привезти въ аулъ невѣсты по возможности лучшіе подарки.

Когда подарки приняты, начинается „той“ — празднество, продолжающееся весь день. Въ этотъ-же день невѣста, не показываясь жениху, бѣжитъ изъ аула родителей въ одинъ изъ ближайшихъ ауловъ ея родственникововъ, идѣ и скрывается.

Пиръ въ аулѣ отца невѣсты состоитъ, какъ и всякое киргизское празднество, изъ обильнаго угощенія ясаемъ, кумысомъ куртотомъ и пр. и изъ развлеченій такихъ, какъ байга съ призами и борьба.

гепъ невѣсты.
или весь съ
ельности. Въ
жениха; туда
тѣмъ значи-
ты подарковъ.
празднество
ся. Передача
но публично,
а случай воз-
калыма, въ
ся посѣщенія
унъ келю“ —
ми сложными
собой цѣлю
„отагосы“ и
кайшій аулъ
акъ и сваты,
обы его при-
ю полученіи
ельномъ раз-
тѣмъ садятся
игласить его
е къ жениху,
арокъ, назы-
весь походъ
ь собиравшія
одарка „ча-

родственни-
ны съ собой
нію жениха.
вры, матерія
мый цѣнный
бабушкѣ и

Вечеромъ того-же дня устраивается второй „той“ въ томъ аулѣ, куда скрылась невѣста, на которомъ присутствуютъ свахи и подруги невѣсты и, за исключеніемъ жениха, вся молодежь, участвовавшая въ первомъ тойѣ. Во время этихъ увеселеній мать невѣсты посылаетъ хозяйкѣ аула подарокъ „кызъ-казаръ“, привезенный женихомъ специально для того аула, въ который скроется невѣста и предназначенный для того, чтобы хозяйка согласилась отпустить невѣсту. Къ концу тоя, передъ разсвѣтомъ, хозяйка аула дѣйствительно старается отдать невѣсту свахамъ, но подруги не выдаютъ ее и между ними съ одной стороны, а съ другой—свахами и товарищами жениха завязывается борьба, называемая „тартысъ“, т. е. тинуться. Каждая изъ сторонъ старается завладѣть невѣстой, подруги—для того чтобы удержать ее у себя, свахи для того, чтобы отвести въ аулъ родителей, гдѣ ее ждетъ женихъ. Наконецъ подруги получаютъ подарокъ „алымъ“, т. е. сборъ и, удовлетворенныя имъ, отпускаютъ невѣсту, которая отправляется въ юрту родителей съ приготовленной для молодыхъ постелью. Тутъ-же одна изъ свахъ отправляется за женихомъ, подводитъ его къ юртѣ, въ которой находится невѣста и помогаетъ взять руку невѣсты черезъ кереги (деревянная рѣшетка, на которой держится вся юрта). Обычай этотъ называется „колусъ-татаръ“, т. е. пожатіе руки. Сваха, соединившая руки невѣсты и жениха, получаетъ подарокъ и затѣмъ женихъ уходитъ, а въ аулѣ продолжается шумъ и веселье до утра, когда всѣ разъѣзжаются по сосѣднимъ ауламъ для отдыха. Слѣдующій день проходить тихо. Женихъ находится безотлучно въ своей юртѣ, гдѣ его посѣщаютъ свахи, принося всякія угощенія. Съ наступленіемъ ночи, въ юртѣ родителей невѣсты вновь готовится постель для жениха, хозяйка юрты уходитъ и свахи съ величайшей таинственностью приводятъ жениха, который обязанъ дать славнымъ постель подарокъ „тосекъ саларъ“, т. е. приготовить постель. При входѣ жениха, мать невѣсты сыплетъ на него урюкъ, орѣхи, пряники, которые подбираются присутствующими. Подбораніе сопровождается толкотней и разными шутками, возбуждающими общій смѣхъ и веселость. Обычай этотъ называется „чашу“.

т. е. сыпать. Вскорѣ затѣмъ вводится невѣста, всѣ удаляются изъ юрты и молодые остаются наединѣ, до возвращенія родителей невѣсты, которые однако подаютъ видъ, что не замѣчаютъ присутствія жениха и такимъ образомъ сохраняютъ до конца таинственность „урунъ-келю“. Въ прежнее время, невѣста, при входѣ въ юрту, въ которой уже ждалъ ее женихъ, выливала въ горѣвшій по срединѣ огонь чашку масла, а всѣ присутствующіе кланялись въ поясъ, шагали черезъ вспыхнувшее пламя и повторяли: „отъ—ана, май—ана, джарылга“, т. е. огонь—мать, масло—мать, благослови, а затѣмъ начиналась весьма сложная церемонія укладыванія невѣсты съ женихомъ, сопровождавшаяся новыми подарками въ пользу свахъ. Обычай эти описаны подробно въ 1-мъ вып. Запис. Оренб. Отд. Геогр. Общ., а потому не приводятся здѣсь. Въ настоящее время они вышли изъ употребленія, сохранилась лишь обязанность для жениха дать послѣ перваго посѣщенія подарокъ „кызъ-кушактаръ“, т. е. обнятіе дѣвицы. Въ слѣдующіе дни повторяются тѣ-же посѣщенія невѣсты, разнообразясь тоями, байгами и др. увеселеніями и это продолжается до отъѣзда жениха. Передъ отъѣздомъ отецъ невѣсты даетъ свитѣ жениха подарки „китъ“, а жениху кладетъ въ шѣшки, въ которыхъ были привезены подарки, особый подарокъ—„капка-саларъ“, т. е. въ шѣшюкъ положить. вмѣсто этого иногда возвращается часть уплаченнаго калыма или сбавляется кое-что изъ недоплаченнаго.

Посѣщенія невѣсты женихомъ повторяются до свадьбы по нѣскольку разъ, причѣмъ женихъ прѣзжаетъ каждый разъ въ сопровожденіи своихъ товарищей и каждый разъ привозитъ съ собою новые подарки.

Свадьба, т. е. обрядъ вѣнчанія и взятіе невѣсты въ аулъ жениха, происходитъ въ назначенное отцомъ невѣсты время. Въ этотъ разъ, какъ и въ предыдущія посѣщенія аула невѣсты, женихъ прѣзжаетъ въ сопровожденіи старшаго, почетнаго отагасы и товарищей своихъ, кіеу-джигит'овъ. Привозимые женихомъ подарки отличаются какъ по названію и назначенію, такъ и по цѣнности своей. Кромѣ джартысъ и каде для родственницъ невѣсты и на всякіе предвидѣныя и непредвидѣнные случаи, женихъ обя-

зательно привозить для матери невесты „сютъ-аы“—подарокъ за вскормленіе невесты молокомъ, затѣмъ—кошмы, которыми прикрывается юрта новобрачныхъ, называемая „отау“ и наконецъ скоть для праздника—„той-маль“. Подарки опять разсматриваются, цѣнятся и наконецъ принимаются, а затѣмъ начинается постройка юрты для молодыхъ, причемъ деревянныя части и внутреннее устройство даются отцомъ невесты, а верхнее покрытие изготовляется изъ привезенныхъ женихомъ кошмъ. До изготовленія юрты—отау, женихъ живетъ въ юртѣ, выставленной для него родителями невесты; когда-же отау готово, на что иной разъ уходитъ мѣсяцъ времени и болѣе, онъ даетъ женщинѣ, крившей юрту, барана—„отау джабаръ“ и, приглашаемый почетными родственницами невесты, переходитъ въ новое помѣщеніе. Затѣмъ нѣсколько свахъ отправляется за невестой, приводятъ ее къ жениху, за что получаютъ подарокъ—„дженгетай“. Для приглашенія жениха, равно какъ и для привода невесты, выбираются самыя здоровыя женщины, имѣвшія многочисленное потомство. Когда невеста войдетъ въ юрту, женихъ долженъ положить ее въ присутствіи свахъ на постель „кызъ-кутерекъ“, но онъ можетъ, впрочемъ, выкупиться отъ этой обязанности, давая свахамъ по куску ситцу на рубаху. Отъ этого обычая—класть невесту на постель, первая ночь, проводимая молодыми вмѣстѣ съ вѣдомомъ тестя, называется „отауга-саларъ“, т. е. положеніе. Свахи, получивши ситецъ, уходятъ и молодые остаются наединѣ.

На другое утро сопровождающій жениха „отагасы“ отправляется въ отцу невесты и узнаетъ отъ него, въ какой день онъ согласенъ отпустить свою дочь въ аулъ ея мужа. Наканунѣ отъѣзда дѣлается той, колютъ скоть, пригнанный женихомъ и устраиваютъ байгу съ призами, назначаемыми отцомъ невесты.

Когда участвующіе въ байгѣ отправятся, женихъ оставляетъ невесту и въ ней собираются женщины, вооружаясь союлами¹⁾, айбалтами²⁾, палками и вслѣмъ, находящимся подъ руками, оружіемъ и ждутъ окончанія байги. Возвращающаяся молодежь окру-

¹⁾ Длинная березовая палка съ утолщеніемъ на концѣ.

²⁾ Небольшой топорикъ, насаженный на длинный черепъ.

жаесть, не слѣзая съ лошадей, „отау“ и всѣ стараются снять съ юрты „тюдюкь“, т. е. кошму, прикрывающую верхнее отверстіе юрты. Женщины выбѣгаютъ изъ юрты, защищаютъ ее, бьютъ нападающихъ, а если удастся поймать одного изъ нихъ, то вта-скиваютъ въ юрту, какъ плѣннаго, иной разъ вмѣстѣ съ лошадыю. Когда уже всѣ устанутъ, когда женщины теряютъ надежду на то, чтобы имъ удалось отстоять юрту, онѣ обращаются къ нападающимъ съ просьбами и въ концѣ задабриваютъ ихъ подаркомъ. Теперь начинается пѣніе. Въ юртѣ остаются женщины и часть парней, старавшихся сдернуть тюдюкь и они-то затягиваютъ заунывную киргизскую пѣснь, каждая строфа которой кончается припѣвомъ „джааръ, джаръ“. Слова и мелодія постоянно разнообразятся, импровизируются, но содержаніе всегда одно и то же; посредствомъ безконечныхъ сравненій восхваляются женихъ и невѣста, а послѣдняя утѣшается по поводу предстоящей разлуки съ ауломъ родителей.

Все это время невѣста остается въ отау безъ жениха и слушаетъ пѣніе до тѣхъ поръ, пока оно ей не надоѣсть и она не заставитъ пѣвцовъ замолчать, давъ имъ какой-нибудь подарокъ.

Вечеромъ приглашаютъ жениха. Онъ является въ отау со своими пѣсенниками; женщины и мужчины раздѣляются по-парно, садятся затѣмъ другъ противъ друга въ два ряда и опять начинается пѣніе. Мужской хоръ восхваляетъ женщинъ, а женскій—мужчинъ. Оба хора поютъ поочередно по одной строфѣ, импровизированной какъ и предшествовавшее пѣніе въ честь невѣсты и жениха.

Мало по-малу восхваленіе переходитъ въ порицаніе, вмѣсто исчисленія доблестей, начинается указываніе на пороки и къ разсвѣту получается площадная брань, въ которой одна сторона старается перещеголять другую. Кто съумѣетъ заставить противника замолчать, кто окажется болѣе изобрѣтательнымъ въ ругани, тотъ даетъ противной сторонѣ мелкіе подарки, какъ-то: платки, бусы, кольца, перья для аракчиновъ и т. п. Обычай этотъ называется „кнэменде“, т. е. моя вина. Такъ проходитъ вся ночь, въ которую женихъ и невѣста не ложатся спать. Послѣ пѣнія вся молодежь

собирается въ юрту молодыхъ, ѣдятъ баранину, пьютъ кумысъ, а позвонки барана даютъ жениху, который привязываетъ къ нимъ по куску ситцу или по платку и бросаетъ ихъ въ открытый тюндюкъ. Если онъ не попадаетъ, если позвонокъ упадетъ въ юрту, то ситецъ достается присутствующимъ женщинамъ. Утромъ свахи собираются у невѣсты, — одѣваютъ ее въ лучшее изъ всего приданого платье, сажаютъ на предназначенную для нея лошадь и ведутъ въ юртѣ для прощанія съ родителями. По уходѣ невѣсты, отецъ ея собираетъ все приданое, показываетъ зятю и сватамъ, затѣмъ все считается, увязывается въ тюки и навьючивается на верблюдовъ. Невѣста приходитъ въ послѣдній разъ въ юрту родителей и прощается съ ними съ плачемъ и рыданіями, причѣмъ отецъ спрашиваетъ ее, не осталось-ли въ аулѣ какой-нибудь особенно излюбленной вещи, которую она желала-бы взять съ собою. Вещь таковая безпрекословно отдается дочери.

Далѣе слѣдуетъ описанный выше обрядъ вѣнчанія.

Послѣ окончанія обряда вѣнчанія, молодая идетъ въ свою юрту, гдѣ одѣвается въ костюмъ замужней — „джавлукъ“ — бѣлый головной уборъ съ прорѣзомъ для лица, „экчинъ“ — повязку вокругъ лба, „саукулѣ“ — высокій богато украшенный колпакъ и „джелекъ“ — легкій халатъ, набрасываемый на голову, садится на лошадь и отправляется съ матерью въ аулъ жениха. Молодую провожаютъ на нѣкоторое разстояніе отъ аула ея подруги. Послѣ отъѣзда невѣсты женихъ отправляется въ юрту тестя, прощается съ нимъ и догоняетъ свою жену, съ которой отправляется вмѣстѣ въ аулъ своего отца.

При приближеніи поѣзда къ аулу отца жениха, на встрѣчу ему выбѣгаютъ родственницы жениха и останавливая верблюдовъ невѣсты, не пускаютъ ихъ въ аулъ до полученія выкупа, состоящаго обыкновенно изъ халата, называемаго въ данномъ случаѣ „тѣе мурундукъ“, т. е. поводъ верблюда. Дальнѣйшія церемоніи заключаются въ смотринахъ невѣсты, происходящихъ въ юртѣ родителей жениха. Невѣста отправляется въ сопровожденіи поющихъ мужчинъ и женщинъ въ юрту отца жениха. При входѣ она кланяется имъ и въ это время одинъ изъ присутствующихъ

пѣсенниковъ палочкой открываетъ ея лицо, которое она немедленно закрываетъ. При этомъ отецъ жениха даетъ ей подарокъ, называемый „курюмдыкъ“. Весь этотъ обрядъ называется „велинъ-курюмдыкъ“. Въ прежнее время невѣста, войдя въ юрту родителей жениха, должна была поклониться имъ съ колѣнопреклоненіемъ, но въ настоящее время, подъ вліяніемъ магометанства, недозволяющаго стоять на колѣняхъ передъ людьми, обычай этотъ выходитъ изъ употребленія. Послѣ смотринъ невѣсты открывается какъ и при всякомъ торжественномъ случаѣ, той, продолжающійся далеко за полночь, а въ концѣ, уже при отбѣдѣ матери невѣсты въ свой ауль, отецъ жениха даетъ ей подарки „китъ“ для нея, для свата и для родственниковъ послѣдняго.

ПРЕКРАЩЕНІЕ БРАКА.

Бракъ прекращается у киргизовъ вслѣдствіе развода, расторженія и смерти одного изъ супруговъ.

Разводъ бываетъ послѣдствіемъ или взаимнаго соглашенія супруговъ или-же единоличнаго желанія мужа. Взаимное согласіе, завися въполнѣ отъ воли супруговъ, позволяетъ имъ устанавливать какія имъ угодно условія, какъ по отношенію къ дѣтямъ, такъ и по отношенію къ имуществу. Обыкновенно жена, уходя отъ мужа безъ дѣтей, потому-ли что они остаются съ отцомъ или же потому что дѣтей нѣтъ, получаетъ лошадь, верблюда, постель и часть своего платья; если же дѣти остаются при матери, то отецъ выдѣляетъ въ ихъ пользу часть своего имущества и этимъ имуществомъ управляетъ жена подъ условіемъ, что она не выйдетъ вторично замужъ и не перейдетъ на жительство къ своимъ родственникамъ.

Разводъ, по одностороннему желанію мужа, не требуетъ приведенія наличности никакихъ провинностей со стороны жены. Достаточно, чтобы мужъ трижды въ одинъ день сказалъ женѣ „уйди прочь“, „синъ талакъ“ и она—разведена навсегда. Случаи немотивированнаго развода бывають однако очень рѣдко; большею частью мужъ отсылаетъ свою жену вслѣдствіе ея дурнаго поведенія, неумѣнія вести хозяйство и т. п. причинъ. Въ подобныхъ

случаяхъ мужъ обязанъ выдать женѣ тоже самое, что выдается въ случаѣ развода по взаимному согласію.

Супруги, разошедшіеся по взаимному согласію или вслѣдствіе односторонняго желанія мужа, могутъ опять сойтись до истеченія 3-хъ мѣсяцевъ и 10-ти дней и въ такомъ случаѣ никакихъ формальностей не соблюдается; по истеченіи же этого срока требуется чтобы они вторично обвѣнчались.

Исключеніе представляетъ лишь заимствованный изъ корана разводъ вслѣдствіе тоекратнаго прогнанія жены мужемъ. Разводъ этотъ, считающійся самымъ позорнымъ, не позволяетъ супругамъ ни подъ какимъ видомъ сойтись опять. Если однако мужъ не скажетъ трижды „талакъ“, а остановится послѣ перваго или втораго раза, то бракъ можетъ быть восстановленъ съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: разведенная жена выходитъ для виду замужъ за кого-либо посторонняго и, не вступая съ нимъ въ супружеское сожителство, на третій день беретъ разводную запись „талахатъ“, а затѣмъ вступаетъ въ бракъ съ своимъ прежнимъ мужемъ. Въ степи встрѣчается еще иногда, что мужъ, обвѣнчавъ, уступаетъ свою жену кому-либо изъ постороннихъ за вознагражденіе, а затѣмъ, когда его обстоятельства поправятся, требуетъ ее обратно. Подобные случаи представляются переживаніемъ давно прошедшихъ временъ, когда мужу принадлежала по отношенію къ женѣ такая же власть, какъ господину по отношенію къ рабу. Дѣла, въ родѣ вышеописаннаго, доходятъ иногда даже до суда биевъ, гдѣ мужу въ искѣ проданной жены отказываютъ.

Жена не можетъ требовать развода ни въ какомъ случаѣ. Ни невѣрность мужа, ни его жестокое обращеніе не уполномачиваютъ ее на оставленіе мужа и если жена, по какой-либо причинѣ вздумаетъ уйти, то бѣи, по жалобѣ мужа, заставляютъ жену вернуться и жить съ ненавистнымъ ей человѣкомъ. Единственное право жены по отношенію къ невѣрному или жестокому мужу заключается въ возможности жаловаться родственникамъ своимъ или мужа, которые дѣлаютъ виновному наставленія или-же угрожаютъ ему дать женѣ разводную запись. Въ самое послѣднее время между киргизами замѣчается нѣкоторое стремленіе къ

измѣненію вѣковыхъ правилъ и къ обезпеченію за женщиной большихъ правъ. Стремленіе это выражается напр. по отношенію къ бѣжавшей женѣ въ томъ, что въ случаѣ вторичнаго побѣга за женой долженъ явиться одинъ изъ родственниковъ мужа по выбору тестя и увѣрить торжественно, что она неправа; въ противномъ случаѣ жена не возвращается мужу и тесть можетъ перенести на судъ биевъ дѣло о возвращеніи приданого. При третьемъ побѣгѣ мужъ долженъ обратиться къ суду биевъ, которые иногда оставляютъ жену у ея родственниковъ.

Главнымъ образомъ жена можетъ въ настоящее время обратиться къ биямъ въ случаѣ жестокаго съ ней обращенія мужа и жалоба ея имѣетъ нѣкоторыя шансы на успѣхъ. Случаи подобные очень рѣдки, жалобы, даже основательныя, остаются и въ настоящее время большею частью неудовлетворенными, но одинъ фактъ появленія примѣровъ, подобныхъ указаннымъ выше, служитъ признакомъ измѣненія, происходищаго во взглядахъ киргизовъ на права женщины.

Расторженіе брака возможно только въ двухъ случаяхъ: вслѣдствіе прелюбодѣянія жены и вслѣдствіе "неспособности мужа или жены къ брачному сожителству.

Прелюбодѣяніе доказывается на судѣ или простымъ заявленіемъ мужа, если онъ поймалъ жену на мѣстѣ преступленія, какъ говорятъ киргизы „кычыны кынында“, т. е. въ положеніи не вынутой изъ ноженъ сабли, или же свидѣтельскими показаніями и присягой, если жена не поймана *in flagranti*. Расторженіе это не влечетъ за собой никакихъ имущественныхъ послѣдствій, такъ что калымъ остается у родителей жены, а приданое—у мужа.

Неспособность къ брачному сожителству мужа испытывается нарочно выбранными лицами посредствомъ холодной воды, отъ которой дѣтородный членъ у здороваго долженъ сокращаться. Въ прежнее время проба производилась иначе. Родственники мужа и жены выбирали съ каждой стороны по одному уполномоченному лицу, и эти двое съ третьимъ почетнымъ и вполне незаинтересованнымъ лицомъ помѣщались въ юртѣ супруговъ, гдѣ производили свои наблюденія. Неспособному дается два года для излеченія, а

если онъ не вылечится, то жена переходитъ къ ближайшему изъ его родственниковъ.

Неспособность жены удостоверяется посредствомъ одного изъ близкихъ родственниковъ мужа и если она подтвердится, то жена возвращается родителямъ. Такъ какъ неспособность жены обнаруживается немедленно послѣ свадьбы, ранѣе *consumptio nuptiarum*, то при возвращеніи жены возвращается и приданое, а взамѣнъ получается женихомъ обратно калымъ.

Смерть одного изъ супруговъ отражается весьма различно на оставшемся въ живыхъ, смотря потому, кто умеръ: мужъ или жена. Между тѣмъ какъ смерть жены вполне прекращаетъ отношенія мужа, обязывая его лишь отдать родственникамъ покойной сагулдѣ ея и немногія вещи, вдова, по смерти мужа должна по обычаю перейти къ брату или ближайшему родственнику покойнаго въ боковой линіи и можетъ уклониться отъ этой обязанности лишь въ томъ случаѣ, если она не пожелаетъ совсѣмъ выйти замужъ и посвятить себя воспитанію дѣтей.

По отношенію къ срокамъ для новой свадьбы и ношенія траура замѣчается тоже самое различіе. Смерть жены не влечетъ никакихъ обязанностей для мужа и дѣтей; напротивъ, смерть мужа возлагаетъ на жену и дочерей обязанность носить въ теченіи года траурную повязку и не совершать свадьбы въ теченіи того-же времени. Въ настоящее время срокъ этотъ для вдовы сократился подъ вліяніемъ корана и она не должна выходить замужъ лишь въ теченіи 100 дней. Что-же касается сватовства, то оно можетъ имѣть мѣсто во всякое время.

Вдова, не желавшая выйти замужъ за брата умершаго, принуждалась къ этому силой. Ее привязывали къ четыремъ столбамъ, заковывали въ желѣзные пута и старались добиться согласія ея подобными мѣрами. Въ настоящее время не прибѣгаютъ киргизы къ столь крутымъ мѣрамъ и стараются добиться согласія упорствующей посредствомъ болѣе мягкихъ пріемовъ, что обыкновенно и удается. Впрочемъ вдовѣ, не желающей выйти замужъ за ближайшаго брата умершаго, предоставляется выборъ между нѣсколькими родственниками, причемъ она даетъ маленькій по-

если онъ не вылечится, то жена переходитъ въ ближайшему изъ его родственниковъ.

Неспособность жены удостовѣряется посредствомъ одного изъ близкихъ родственниковъ мужа и если она подтвердится, то жена возвращается родителямъ. Такъ какъ неспособность жены обнаруживается немедленно послѣ свадьбы, ранѣ *consumptio nuptiarum*, то при возвращеніи жены возвращается и приданое, а взаменъ получается женихомъ обратно калымъ.

Смерть одного изъ супруговъ отражается весьма различно на оставшемся въ живыхъ, смотря потому, кто умеръ: мужъ или жена. Между тѣмъ какъ смерть жены вполне прекращаетъ отношенія мужа, обязывая его лишь отдать родственникамъ покойной саукulé ея и немногія вещи, вдова, по смерти мужа должна по обычаю перейти къ брату или ближайшему родственнику покойнаго въ боковой линіи и можетъ уклониться отъ этой обязанности лишь въ томъ случаѣ, если она не пожелаетъ совсѣмъ выйти замужъ и посвятить себя воспитанію дѣтей.

По отношенію къ срокамъ для новой свадьбы и ношенія траура замѣчается тоже самое различіе. Смерть жены не влечетъ никакихъ обязанностей для мужа и дѣтей; напротивъ, смерть мужа возлагаетъ на жену и дочерей обязанность носить въ теченіи года траурную повязку и не совершать свадьбы въ теченіи того-же времени. Въ настоящее время срокъ этотъ для вдовы сократился подъ влияніемъ корана и она не должна выходить замужъ лишь въ теченіи 100 дней. Что-же касается сватовства, то оно можетъ имѣть мѣсто во всякое время.

Вдова, не желавшая выйти замужъ за брата умершаго, принуждалась къ этому силой. Ее привязывали къ четыремъ столбамъ, заковывали въ желѣзные пута и старались добиться согласія ея подобными мѣрами. Въ настоящее время не прибѣгаютъ къ такимъ столь крутымъ мѣрамъ и стараются добиться согласія упорствующей посредствомъ болѣе мягкихъ пріемовъ, что обыкновенно и удается. Впрочемъ вдовѣ, не желающей выйти замужъ за ближайшаго брата умершаго, предоставляется выборъ между нѣсколькими родственниками, причемъ она даетъ маленькій по-

Здѣсь кстати замѣтимъ, что въ прежнее время мужъ послѣ смерти жены долженъ былъ возвратить родственникамъ послѣдней не только саукулѣ, часть постели и одинъ изъ ея костюмовъ, но также по одной штукѣ всякихъ вещей, полученныхъ въ приданое въ нѣсколькихъ экземплярахъ, напр. изъ нѣсколькихъ ковровъ—одинъ, одного верблюда, если ихъ получено нѣсколько и т. д.

ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ СЕМЬИ.

Какъ давно замѣчено (Баллюзекъ), власть главы семейства, нѣкогда бывшая у киргизовъ неограниченной, уменьшается постепенно. Древній обычай, по которому власть отца распространялась даже на жизнь дѣтей, и который сохранился въ пословицахъ и поговоркахъ: „аталы улъ, жожалы кулъ“, т. е. сынъ передъ отцомъ, какъ рабъ передъ господиномъ или: „улуңъ сатыбъ, атъ кельды“, кызыңъ сатыбъ, асъ кельды“, т. е. продавъ сына, имѣлъ лошадь, продавъ дочь, имѣлъ пищу (поговорка относится ко временамъ разграбленія киргизовъ дзюнгарами),—въ настоящее время смягчился весьма существенно. Отцу, по отношенію къ личности сына, предоставляется право наказывать его тѣлесно, прогнать отъ себя, отдать до трехъ разъ въ заработки. Что касается правъ отца на имущество сына, то надо различать сыновей отдѣленныхъ и неотдѣленныхъ. Первые никакихъ имущественныхъ правъ не имѣютъ и все нажитое ими поступаетъ въ непосредственное распоряженіе ихъ отца. Отдѣленный сынъ считается главой самостоятельнаго хозяйства, но пугающійся отецъ можетъ всегда потребовать, чтобы сынъ прокармливалъ его, принялъ въ свой аулъ. Такимъ-же правомъ пользуется и мать. Кромѣ того отецъ можетъ взять у сына любую вещь и пользоваться ею. Исковъ дѣтей къ родителямъ бин не принимаютъ и всѣ подобныя дѣла рѣшаются родственниками, которые, замѣтивъ разладъ въ семьѣ, отдѣляютъ отца и сына, передавая большую часть семейнаго имущества отцу, или же (у бѣдныхъ) обязывая сына давать изъ своихъ заработковъ содержаніе отцу. Жалобы отца на сыновей пользуются, напротивъ, особенными преимуществами и, если отецъ живетъ съ матерью сына, удовлетворяются немедленно. Въ разборъ основательности требований

отца
чихъ
съ
щел
выхъ
мея

въ
нее
сам
сос
ніе
за
бол
„чи
ма

ся
а
по
но
до
не
те
ва
ил
ло
ро
ж
ис

ве
тс
сс
—

отца бѣи входятъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ живетъ съ матерью того сына, которымъ онъ недоволенъ. Дочь въ сравненіи съ сыномъ находится въ нѣсколько иномъ положеніи, объясняющемся тѣмъ, что она остается членомъ семьи лишь временно, до выхода замужъ и что затѣмъ прекращается почти всякая связь между семьей и нею.

Во время пребыванія въ родительскомъ аулѣ, дочь находится въ непосредственномъ распоряженіи матери; отецъ не имѣетъ на нее прямого вліянія и, будучи ею недоволенъ, не наказываетъ ее самъ, а поручаетъ это матери. Мѣры, принимаемыя послѣдней, состоятъ въ пинкахъ, толчкахъ, запираніи въ отдѣльное помѣщеніе и т. п. Подобныя наказанія не рекомендуются однако киргизами; ихъ педагогика предписываетъ по отношенію къ дѣвушкамъ болѣе кроткія мѣры, напр. увѣщаніе: „аке урганъ, улъ унгаръ“; „чише урганъ, кызъ унбасъ“, т. е. отецъ бьетъ сына къ лучшему; мать бьетъ дочь не къ лучшему (портитъ ее).

Съ момента выхода замужъ, киргизская дѣвушка эмансипируется изъ-подъ родительской власти и переходитъ во власть мужа а отчасти и свекрови, которая однако по отношенію къ невѣстѣ получаетъ лишь право увѣщаній. За то власть мужа надъ личностью жены простирается гораздо дальше власти матери надъ дочерью. Мужъ имѣетъ право наказывать ее болѣе строго, до нанесенія легкаго увѣчья, лишь-бы это наказаніе не носило характера истязаній. Такъ напр. на мужа, которому вздумается наказывать жену союломъ или баканомъ¹⁾, или же раздѣвъ ее до нага, или бить ее внѣ юрты, или же прижигать тѣло, жена можетъ жаловаться и судъ признаетъ за ней право вернуться къ своимъ родителямъ. Какъ преступленія, преслѣдуются только убійство жены или нанесеніе ей тяжкаго увѣчья. За первое полагается полный кунъ, за второе—полъ куна.

Права отца и матери на имущество замужней дочери также весьма ограничены. Неимущій отецъ можетъ поселиться у нея только съ согласія зятя, мать-же хотя и не обязана испрашивать согласія, но можетъ поселиться у дочери лишь тогда, когда у

¹⁾ Палка, которой подпирають юрту изнутри.

нея вѣтъ сыновей, которые могли - бы пріютить ея.

Со смертью отца, если при жизни его не наступило видѣла всѣхъ сыновей, за исключеніемъ младшаго, не выдѣленные сыновья иногда дѣлятся, но чаще остаются вмѣстѣ. Въ послѣднемъ случаѣ права главы семейства переходятъ къ старшему брату, который управляетъ общими дѣлами или единолично или подѣ наблюдениемъ матери. Нерѣдко впрочемъ случается, что по молчаливому согласію всѣхъ полноправныхъ членовъ семьи бразды правленія переходятъ не къ старшему, а къ умнѣйшему изъ братьевъ. Управляющій семьей называется „билеучи агасы“, т. е. управляющій братъ.

Имущественныя права киргизской женщины крайне ограничены. Пока она не замужняя, за ней, какъ и за всѣми самостоятельными членами семьи, никакихъ правъ на семейное имущество не признается. Глава семейства, будь это отецъ или братъ, управляетъ всѣмъ имуществомъ и распоряжается имъ по своему усмотрѣнію. Количество калыма, получаемое при выдачѣ замужъ за дочь или сестру зависитъ отъ главы, къ которому и переходитъ все, уплаченное женихомъ. Отъ главы семейства зависитъ также размѣръ приданого, которое опять-таки поступаетъ не въ собственность выдаваемой замужъ, а въ собственность ея мужа, если онъ отдѣленъ, или тестя, если женившійся сынъ не отдѣленъ. Что-же касается ея родственниковъ, то они никакихъ правъ по отношенію къ имуществу не имѣютъ; вышедшая замужъ воишь отдѣлилась отъ своего аула: „чикканъ-кызъ, чйденъ тызъ каре“, т. е. вышедшая замужъ дочь остается внѣ юрты. Исключеніе составляетъ только одно „саукелѣ“, которое во всю жизнь признается собственностью жены. Къ саукелѣ можно еще, пожалуй, причислить постель съ кровати жены и одинъ изъ костюмовъ, данныхъ въ приданое, такъ какъ эти вещи, послѣ смерти жены должны быть тоже возвращены ея родственникамъ. Принимая, однако, во вниманіе, что она ни постелью, ни платьемъ своимъ при жизни самостоятельно распоряжаться не можетъ, вѣрнѣе эти вещи исключить изъ числа предметовъ, составляющихъ собственность жены. Всякое затѣмъ другое имущество, которое какимъ-бы то ни было образомъ досталось замужней киргизкѣ, напр. заработано ею, по-

лучено въ подарокъ, переходитъ въ распоряженіе мужа, который можетъ распоряжаться имъ по своему произволу. Киргизы, въ этомъ отрицаніи имущественныхъ правъ за замужней женщиной до крайности послѣдовательны. Даже мужъ, расточающій не только свое, но и внесенное женою имущество, не ограничивается въ своихъ правахъ. Въ крайнихъ случаяхъ ему дѣлаются увѣщанія, напоминанія сперва со стороны своихъ родственниковъ, а если это не поспѣваетъ, то и со стороны родственниковъ жены, но этимъ дѣло и кончается. До суда биевъ не доходятъ жалобы, да если-бы и дошли, то бии не сочли-бы себя вправѣ разсматривать подобныя дѣла.

Иногда случается видѣть въ степи, что ауломъ управляетъ женщина—вдова. Подобныя явленія не противорѣчатъ высказанному взгляду. Киргизка, распоряжающаяся въ аулѣ, не есть его хозяйка; она только временно управляетъ, до тѣхъ поръ, пока сыновья ея не достигнутъ совершеннолѣтія, вѣрнѣе—пока они сами не будутъ въ состояніи заняться своими дѣлами. Впрочемъ и вдова, мать малолѣтнихъ дѣтей, не всегда остается хозяйкой. Для этого надо, чтобы она отказалась отъ втораго брака и посвятила себя исключительно своимъ дѣтямъ.

Будучи такъ ограниченной со стороны правоваго обычая въ своихъ имущественныхъ и общественныхъ правахъ, киргизская женщина отвоевываетъ себѣ весьма выгодное положеніе. Замкнутая жизнь ея въ предѣлахъ аула ведетъ къ тому, что все имущество и все хозяйство лежитъ на ея рукахъ. Между тѣмъ какъ киргизъ большую часть года проводитъ на лошади, въ настоящихъ разъѣздахъ, занимаясь общественными дѣлами рода, волости, старшинства,—настоящимъ, фактическимъ хозяиномъ дома остается жена его и она управляетъ всѣмъ, по своему усмотрѣнію, низводя мужа на степень номинальнаго хозяина и главы семейства. Подобныя явленія въ настоящее время не могутъ еще быть признаны общимъ правиломъ; тѣмъ не менѣе они изъ году въ годъ встрѣчаются все чаще и чаще и могутъ служить довольно вѣрнымъ предзнаменованіемъ тому, что въ юридическихъ взглядахъ киргизовъ на роль и права замужней женщины должны произойти въ близкомъ буду-

цемъ весьма существенныя измѣненія. Въ современномъ нормальномъ киргизскомъ хозяйствѣ мужъ осматриваетъ за собою непосредственный надзоръ и управление конскими табунами, а въ жѣстностяхъ земледѣльческихъ, напр. въ Бѣльгаечской волости, Семипалатинскаго уѣзда, за хлѣбопашествомъ. Домашнее-же хозяйство и надзоръ за баранами, верблюдами и рогатымъ скотомъ лежитъ на женѣ.

Если у киргиза нѣсколько женъ, то ихъ обязанности дѣлятся такъ, что у каждой своя юрта и отдѣльныя стада верблюдовъ, барановъ, которыми завѣдуетъ она.

Усыновленіе у киргизовъ встрѣчается довольно часто. Бездѣтные, какъ и имѣющіе дѣтей, усыновляютъ оольшую часть дѣтей близкихъ родственниковъ съ мужеской стороны.

Въ прежнее время часто встрѣчались случаи усыновленія дѣтей рабовъ, а султанами—тюленгутовъ. Усыновляемый причислялся къ роду усыновителя и пользовался одинаковыми правами съ дѣтьми усыновителя. Сліяніе усыновленнаго съ семьей усыновителя настолько тѣсно, что даже въ сношеніяхъ съ властями русскими, гдѣ киргизы называются по имени и отчеству, усыновляемый присваиваетъ себѣ отчество отъ имени усыновителя.

Чужіе, имѣющіе родителей или сироты, усыновляются очень рѣдко, а незаконнорожденные, преслѣдуемые у киргизовъ вѣчнымъ презрѣніемъ, никогда не усыновляются.

Незаконнорожденными считаются у киргизовъ вообще всѣ дѣти, прижитыя внѣ брака, или-же замужней не отъ мужа своего. Съ понятіемъ этимъ у киргизовъ однако не соединяется тѣхъ послѣдствій, какія привыкли соединять русскіе. Между тѣмъ какъ въ однихъ случаяхъ незаконное рожденіе не влечетъ за собою никакихъ тяжелыхъ послѣдствій ни для рожденнаго, ни для матери его, въ другихъ случаяхъ оно отражается на нихъ весьма тяжело, тяжелѣе, пожалуй, чѣмъ у русскихъ. Во вниманіе принимается у киргизовъ не столько фактъ внѣ брачной или прелюбодѣйной связи, сколько права вступившихъ въ связь лицъ по отношенію другъ къ другу. Такъ, ребенокъ, прижитый невѣстой съ женихомъ, вдовой съ братомъ покойнаго мужа, господиномъ съ рабыней или служанкой, считается членомъ семьи своего отца,

остаётся у него и участвует послѣ его смерти въ наслѣдованіи имущества наравнѣ съ другими дѣтьми. Напротивъ того, дѣти пріяитыя женщиной съ посторонними людьми, напр. непросватанной дѣвушкой съ кѣмъ-нибудь, просватанной не съ женихомъ, прислугой съ чужимъ человѣкомъ, вдовой или замужней съ постороннимъ, никакихъ правъ по отношенію къ своему отцу не имѣютъ, остаются при матери, послѣ ея смерти переходятъ къ ея роду, гдѣ всю жизнь считаются презрѣнными существами. Презрѣніемъ преслѣдуются не только они, но и ихъ матери и это-то служитъ причиной распространеннаго въ степи обычая изгнанія плода у дѣвушекъ. Умерщвленіе плода въ утробѣ матери производится механическимъ путемъ и не считается предосудительнымъ. Въ прежнее время забеременѣвшую дѣвушку убивали.

Въ Мукурской волости, Семипалатинскаго уѣзда, до сихъ поръ сохранилось названіе мѣстности „тентекъ кызъ“, т. е. дурная дѣвка, гдѣ была убита непросватанная дѣвушка, оказавшаяся беременной. Проѣзжая по широкой альджанской степи, среди разсѣянныхъ по ней могилъ, киргизы указываютъ на двѣ старинныя могилы, довольно хорошо сохранившіяся. По преданію, подъ одной изъ нихъ покоится киргизская дѣвушка, вступившая въ связь съ киргизомъ сосѣдняго рода, помимо воли родителей. Когда она уже не могла скрывать беременности, то рѣшилась бѣжать съ возлюбленнымъ, но была догнана родовичами и убита. Киргизъ сразу спасся отъ мести, но по требованію обиженныхъ былъ убитъ своимъ родомъ, предпочевшимъ лишиться своего члена, лишь-бы не вступать во вражду съ сосѣдями. Киргизъ этотъ похороненъ въ могилѣ рядомъ съ дѣвушкой.

Въ настоящее время отвѣтственность за прелюбодѣяніе ограничивается штрафомъ отъ 1 до 2-хъ тогузсвъ, поступающимъ въ пользу отца непросватанной или жениха просватанной. При этомъ, какъ отецъ, такъ и женихъ могутъ требовать отъ провинившагося, чтобы онъ уплатилъ калымъ за обольщенную и женился на ней; получивъ приданое. Обыкновенно киргизы стараются избѣжать позора; падающаго на все семейство, въ которомъ дѣвушка родитъ и какъ только откроется беременность, стараются выдать дѣвушку замужъ.

Бранныхъ названій, которыми преслѣдуются постоянно незаконнорожденные, у киргизовъ очень много. Самыя употребительныя слѣдующія: никесызъ—безвѣнчаннй, аражда—поганый плодъ, картокумъ—плодъ публичной женщины, ваядоззина (араб.)—сынъ отъ прелюбодѣянiя.

Въ дѣлахъ семейныхъ киргизы по возможности избѣгаютъ обращенiй въ судъ, да и бiи неохотно вмѣшиваются въ эти дѣла, что въ значительной степени объясняется тѣмъ, что въ настоящее время непримѣнны строгiя мѣры, установленныя киргизскимъ обычаемъ за нарушенiя семейныхъ правъ. Вмѣшательство духовенства тоже явленiе очень рѣдкое и вполне чуждое киргизскаго быта и киргизскихъ воззрѣнiй, отличающихся (какъ и большинство кочевниковъ) крайнимъ индиферентизмомъ въ религiонныхъ дѣлахъ. Чаше всего семейныя дѣла рѣшаются въ самой семьѣ, а супружескiя—мужемъ, который можетъ рѣшить всякое дѣло по своему усмотрѣнiю, давъ женѣ разводъ.

Многоженство у киргизовъ признается, какъ и у всѣхъ магометанъ, а число женъ, которое въ древности могло доходить до 7-ми, въ настоящее время—до 4-хъ. По нѣскольку женъ берутъ обыкновенно люди богатые, у которыхъ большое хозяйство или которые хотятъ увеличить число юртъ въ своемъ аулѣ. Иными причинами многоженства служатъ неимѣнiе потомства отъ первыхъ женъ или смерть женатыхъ братьевъ, вдовы которыхъ переходятъ къ брату, оставшемуся въ живыхъ. Бѣдные киргизы живутъ большею частью въ одноженствѣ, да и вообще киргизы смотрятъ неодобрительно на людей, имѣющихъ много женъ: „тентекъ баканъ джаде, тейлехатынъ джаде“, т. е. злой собираетъ палки, глупецъ набираетъ женъ.

О ПѢКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО.

Дѣти потерявшiя отца, либо мать, остаются на непосредственномъ попеченiи оставшагося въ живыхъ родителя, а если мать выходитъ замужъ за брата или родственника покойнаго, то на попеченiи его остаются и дѣти. Единственный, весьма впрочемъ рѣдкiй случай, что дѣти остаются на попеченiи родственниковъ

при жизни матери, бываетъ тогда, когда вдова, отказываясь отъ выхода замужъ за родственниковъ мужа, убѣгаетъ съ постороннимъ. Въ этомъ случаѣ поступаютъ съ дѣтьми, какъ съ круглыми сиротами и ихъ отдаютъ одному изъ ближайшихъ родственниковъ, стараясь выбрать такъ, чтобы послѣдній былъ богаче сиротъ. Имущество сиротъ соединяется съ имуществомъ опекуна, послѣдній воспитываетъ ихъ, выдаетъ дѣвушекъ замужъ, женить сыновей и отдаетъ послѣднимъ оставшееся отъ родителей имущество. Бываютъ примѣры, что опекуны обижаютъ опекаемыхъ, обдѣляютъ ихъ при выдѣлѣ имущества или возвращаютъ не все. Подобныя дѣла рѣшаются бѣгами по иску обиженнаго, причемъ въ рѣшеніи участвуютъ всегда почтенные киргизы изъ рода тяжущихся. Сироты бѣдныхъ, жившихъ въ степи, принимаются на попеченіе кѣмъ-либо изъ богатыхъ, въ аулѣ котораго и остаются до достиженія зрѣлаго возраста. Затѣмъ дѣвушки выдаются замужъ, опекуны получаютъ калымъ, даетъ приданое, а затѣмъ, или передаетъ калымъ, за вычетомъ приданнаго, брату вышедшей замужъ, или же, если нѣтъ брата, оставляетъ себѣ. Парень остается обыкновенно въ работникахъ у опекуна, но это для него обязательно и онъ можетъ уйти въ другое мѣсто, если ему не нравится пребываніе у опекуна. Дѣти бѣдныхъ киргизовъ, живущихъ близъ городовъ, т. н. джатаковъ, никѣмъ не призрѣваются и ведутъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ бродячую жизнь нищенствующихъ. Въ степи подобныхъ явленій быть не можетъ. Родовое начало, на которомъ зиждется весь строй общественной киргизской жизни, настолько неблагоприятенъ для лицъ, которыя не имѣли бы родственниковъ, что даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда появляются личности совсѣмъ чуждыя, онѣ стараются приобрести покровителей и съ этой цѣлью становятся подъ защиту какого-нибудь влиятельнаго киргиза и присоединяются къ его роду. Съ того момента они становятся сородовичами и, въ случаѣ ихъ смерти, дѣти поступаютъ уже на призрѣніе котораго либо изъ приобретенныхъ сородовичей. Несмотря на то, что при изложенныхъ порядкахъ, сироты въ степи всегда гарантированы отъ голодной смерти, участь сиротъ вообще, а въ особенности дѣвушекъ, весьма незавидна.

Выростая большею частью безъ надзора и присмотра, сирота считается неблаговоспитанной, плохой хозяйкой и съ трудомъ находить себѣ мужа. Въ отношеніи къ сиротамъ всего яснѣе проглядываетъ взглядъ киргизовъ на женщину, какъ на хозяйку, воспитательницу дѣтей, словомъ на ту силу, которая исключительно своими попеченіями охраняетъ домашній очагъ. Изъ многихъ, относящихся сюда народныхъ пословицъ, приведемъ двѣ, касающіяся сиротъ и выражающія весьма рельефно значеніе женщины внутри аула. Вотъ онѣ: „Акеэле джетымъ—арсызъ джетымъ, энеэле джетымъ—эрке джетымъ“, т. е. при отцѣ сирота, безсовѣтная сирота, при матери сирота—цѣнная сирота; „Чишэсы баръ джетымнынъ башинда торагъ коль ойнеръ; Чишэсызъ джокъ джетымнынъ башинда битпенъ сырке ойнеръ“, т. е. на головѣ сироты при матери играетъ рука и гребенка; на головѣ сироты безъ матери играетъ кошь и насѣкомья.

II. ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО.

Усвоенное русскимъ законодательствомъ дѣленіе имущества на движимыя и недвижимыя вовсе неизвѣстно киргизамъ и не вызываетъ въ нихъ никакихъ особыхъ представленій о юридическомъ различіи между означенными вещами. При кочевой жизни, когда источникомъ богатства является исключительно скотъ, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ скотъ играетъ и роль денегъ, зародилось другое дѣленіе, проводящее грань между скотомъ и всякимъ другимъ имуществомъ. Скотъ, по киргизски „маль“, называется „даулетъ“, т. е. богатство; все же остальное движимое и недвижимое называется „мулькъ“, т. е. имущество. Движимостью называются еще „нарса“—вещи, по это названіе юридическаго значенія не имѣетъ.

Что же касается вышеуказаннаго дѣленія на богатство и имущество, то оно проходитъ сквозь весь строй имущественныхъ отношеній киргизовъ, и хотя нигдѣ строго не опредѣляется, тѣмъ не менѣе даетъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ, какъ это неоднократно увидимъ ниже.

Всѣ имущественныя права основываются у киргизовъ отчасти на владѣніи, отчасти на юридическихъ фактахъ и сдѣлкахъ, каковы напр. находка, договоръ, наследованіе, дареніе и т. п. Слѣдующими употребительными, или, вѣрнѣе, чаще всего встрѣчаемыми изъ этихъ способовъ, слѣдуетъ признать: 1) приобрѣтеніе посредствомъ наследованія, т. е. ата-мурасы, 2) узю-табасы, т. е. благоприобрѣтеніе (напр. приростъ скота), 3) бурушты-маль, т. е. гражданскія сдѣлки (напр. торговля, сватовство, наемъ и пр.) Къ этимъ видамъ слѣдуетъ прибавить еще одинъ способъ, свойственный киргизамъ вмѣстѣ со многими народами, стоящими на низшихъ ступеняхъ гражданскаго развитія и извѣстный подъ названіемъ организован-

наго самоуправства. Способъ этотъ состоитъ въ захватѣ скота у чело-
вѣка, неудовлетворяющаго какой-либо законной претензіи; угонъ
скота, баранта, по киргизски, — „барымта“.

Особеннымъ уваженіемъ со стороны киргизовъ пользуется на-
слѣдованіе. Человѣкъ, владѣющій значительнымъ богатствомъ, пе-
решедшимъ къ нему отъ отца, сплошь и рядомъ отличается отъ
такихъ, которые сами приобрѣли состояніе, а имущественное поло-
женіе его считается болѣе надежнымъ, болѣе прочнымъ.

ЗАХВАТЪ И ЗАВЛАДѢНІЕ.

Строго опредѣленнаго понятія о давности, какъ объ институ-
тѣ гражданскаго права киргизы не имѣютъ и всякое право, на-
рушенное хотя бы въ незапамятныя времена, можетъ быть возста-
новлено, если только есть ясныя доказательства его. Въ случаѣ
отсутствія послѣднихъ, а въ особенности въ случаѣ давнишнихъ,
встрѣчныхъ исковъ, бѣи нерѣдко кончаютъ дѣло, прекращая всякія
претензіи и санкционируя то положеніе, въ которомъ находятся
стороны въ моментъ рѣшенія дѣла. Это прекращеніе дѣла, не-
обусловленное никакимъ опредѣленнымъ срокомъ, называется „са-
даватъ“, т. е. прощеніе.

Въ прежнее время, повидимому, существовалъ срокъ давности
въ 50 лѣтъ. Такъ можно заключить по существующей поговоркѣ:
„елю джилда, ель джанга; джузь джилъ, казанъ“, т. е. пятьдесятъ
лѣтъ создаютъ новыя права; сто лѣтъ не оставляютъ отъ преж-
няго ничего.

Права на землю различаются, смотря по тому назначенію,
которому служитъ каждая мѣстность. Такъ, всѣ, занятія кирги-
зами, мѣстности раздѣляются на три части: лѣтнія пастбища—
„джайлуу“, осеннія пастбища—„кузеу“ и зимовыя стойбища—
„кыстау“. Первыя изъ нихъ, по старинному обычаю, находятся въ
общей собственности всѣхъ киргизовъ вообще и каждый волею
паститъ свой скотъ, гдѣ ему угодно. Со времени введенія въ жизнь
Временнаго Положенія, лѣтнія стойбища раздѣлены между уѣзда-
ми и волостями, но это на практикѣ не имѣетъ значенія. Чуть

только стаять снѣга и начнетъ показываться зелень, киргизы укочевываютъ цѣлыми старшинствами изъ предѣловъ своей волости, въ чужія, очень часто въ чужой уѣздъ или чужую область, а изъ нѣкоторыхъ волостей Зайсанскаго приставства даже въ предѣлы Китая и затѣмъ, постепенно передвигаясь, приближаются осенью къ своимъ зимовкамъ и лежащимъ близъ нихъ осеннимъ пастбищамъ. Наравнѣ съ лѣтними пастбищами считаются общей собственностью дороги, лѣса, прѣсныя и соляныя озера, рѣчки, рыбныя и звѣринныя промыслы. Осенью пастбища, зимовки и близъ лежащіе сѣнокосы составляютъ частную собственность, отдѣльныхъ семействъ, равно какъ и находящіеся на нихъ колодцы и лѣса. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, у подножья горъ встрѣчаются участки, занятые подъ хлѣбопашество. Участки эти орошаются арыками, развѣтвляющимися по всему занятому пространству и получающими воду изъ главной канавы, которая соединяется съ какимъ-нибудь горнымъ ручьемъ. Они обрабатываются обыкновенно многими семействами, которыя общими силами выводятъ магистральную канаву и зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы никто къ нимъ не присоединился безъ общаго согласія, чтобы проведенная съ значительными затратами вода не терялась на орошеніе чужаго участка. Занятый такой земледѣльческой колоніей, укочевывающей, впрочемъ, на лѣто, участокъ считается ея собственностью, равно какъ и рѣчка, изъ которой берется вода. Хлѣбопашество встрѣчается, впрочемъ, у киргизовъ весьма рѣдко, а потому подробныхъ правилъ относительно пользованія пахатной землею не выработано.

Со времени водворенія въ степи спокойствія и порядка у киргизовъ, въ особенности у тѣхъ, которые живутъ вдали отъ центровъ, количество скота быстро растетъ и въ настоящее время нерѣдко раздаются среди киргизовъ голоса, указывающіе на недостатокъ мѣсть, въ особенности на недостатокъ сѣнокосовъ и зимовыхъ стойбищъ. Менѣе состоятельные киргизы постоянно удаляются съ лучшихъ зимовокъ, съ мѣсть, которыя прикрыты отъ вѣтровъ, а потому, не будучи заносимы снѣгомъ, даютъ возможность прокормить зимою скотъ. Вслѣдствіе этого, джуютъ, падежь

скота отъ безкормицы, все чаще и чаще повторяется и обрушиваясь всею силою на менѣе зажиточную часть населенія, способствуетъ все возрастающему дѣленію населенія на два класса: бѣдныхъ и богатыхъ.

Среди горъ, которыми усѣяна степь, въ долинахъ и ущельяхъ существуетъ много мѣстъ, которыя въ настоящее время служатъ лишь лѣтними пастбищами, между тѣмъ какъ на нихъ могли-бы помѣститься десятки и сотни зимовокъ и можно бы не только собирать большой запасъ сѣна, но и кормить зимою на подножномъ корму громадные стада.

Въ такихъ мѣстностяхъ киргизы не могутъ однако селиться. По своей отдаленности отъ населенныхъ мѣстъ, отъ долинъ, усѣянныхъ зимовками, многія богатая и роскошныя долины горъ, напр. чингизскихъ, представляютъ слишкомъ мало защиты противъ двухъ исконныхъ враговъ кочевника—волковъ и барантачей, для того чтобы туда могъ забраться отдѣльный аулъ. Засѣлить эти мѣста могли бы только цѣлыя партіи, которыя, строя зимовки на недалекомъ разстояніи одну отъ другой, общими силами вели-бы борьбу съ такими разрушительными силами, какъ волкъ и барантачь. Не безъ вліянія остается и киргизская общительность. Жить вдали отъ людей, не видѣться съ сосѣдомъ, родственникомъ, не толковать о всевозможныхъ дѣлахъ киргизъ не можетъ. Ему нужно общество, постоянный обмѣнъ мыслей и впечатлѣній. Между тѣмъ, забившись въ горныя ущелья, отдѣленные отъ остальныхъ зимовокъ непроходимыми въ зимнее время цѣпями сопокъ, онъ въ теченіи пяти мѣсяцевъ былъ-бы отрѣзанъ отъ свѣта. И вотъ, подъ вліяніемъ этихъ условій, киргизы тѣснятся на давно занятыхъ мѣстахъ и, оставляя пустыми многія урочища, оберегаютъ старыя мѣста, дѣлаютъ ихъ, окружаютъ разными граничными знаками естественными и искусственными, а съ другой—придумываютъ всевозможныя хитрости, чтобы расширить тѣсный участокъ на счетъ сосѣдей.

Обыкновенными граничными знаками служатъ естественныя предѣлы, не поддающіеся измѣненію, напр. горы, сопка, рѣка, озеро или искусственныя, напр. могила, колодезь, ямы, столбы изъ камня

ней. Всѣ эти знаки, называемые „булюкныиъ бельгесе“, т. е. рѣшительная черта или „булюкъ тась“, т. е. куча камней или „оба“, т. е. пирамида, охранялись въ древности, какъ святыня; въ настоящее же время часто встрѣчаются поддѣлки знаковъ, выдумываніе новыхъ названій для мѣстъ и т. п. явленія, направленные къ тому, чтобы завладѣть чужою мѣстностью, чтобы ввести въ заблужденіе судей, если дѣло дойдетъ до спора. Споры о мѣстностяхъ весьма часты. Въ старину они рѣшались лицами, коротко знавшими мѣстность, по выбору спорящихъ. Въ настоящее время, подъ вліяніемъ Временнаго Положенія, передавшаго эти дѣла въ руки постоянныхъ киргизскихъ властей, прежній порядокъ практикуется рѣже и всѣ подобныя дѣла, равно какъ и дѣла о поврежденіи граничныхъ знаковъ разбираются бѣями на сѣздахъ. За поврежденіе граничныхъ знаковъ бѣи приговариваютъ къ штрафамъ.

При раздѣленіи участковъ между членами волостей или старшинствъ, сѣзды руководствуются потомственнымъ владѣніемъ и выдѣляютъ всякому участокъ смотря по тому, чѣмъ пользовались его родители. Количество скота при этомъ во вниманіе не принимается. Затѣмъ уже, человекъ, получившій лишній для себя участокъ, вступаетъ въ сдѣлку съ нуждающимся въ болѣе обширномъ пространствѣ и уступаетъ свой участокъ за извѣстную плату. Временное Положеніе требуетъ, чтобы участки дѣлились по количеству скота, но требованіе это, несоотвѣтствующее киргизскимъ взглядамъ, остается болѣею частью мертвой буквой и проводится въ жизнь лишь рѣдко, подъ давленіемъ какого-нибудь богатаго киргиза, сумѣвшаго сорганизовать въ волости болѣеинство покорное его требованіямъ и служащее его интересамъ.

Придерживаясь по отношенію къ землѣ и ея поверхности того взгляда, что участки должны находиться въ частной собственности отдѣльныхъ семействъ или родовъ, киргизы не проводятъ этого взгляда по отношенію къ владу. Владъ принадлежитъ тому, кто его нашелъ. Такъ можно судить по крайней мѣрѣ по существующимъ у киргизовъ сказкамъ и преда-

ніямъ. Что-же касается случаевъ находки влады, то они очень рѣдки. Киргизы Семипалатинскаго уѣзда помнятъ лишь одинъ случай, относящійся къ концу XVIII ст., когда нѣкто Эдиге нашелъ въ предѣлахъ теперешней Аягузской волости (Сергіопольскаго уѣзда) кладъ, послужившій основаніемъ богатству нашедшаго и его потомковъ. Преданій о кладахъ, сказокъ относящихся къ этому предмету, разсказовъ о мѣстахъ, гдѣ должны находитьсяклады, зарытые еще калмыками, въ народѣ живетъ много.

На горѣ Даголанъ, близъ горы Орда, видной съ дороги ведущей отъ Семипалатинска къ Сергіополю и лежащей въ предѣлахъ Чингизской волости, множество ямъ, доказывающихъ, что здѣсь неоднократно искали скрытыхъ богатствъ. Въ народѣ сохранилось преданіе, что сто лѣтъ тому назадъ въ пещерѣ, на верху обнаженной горы, кто-то нашелъ бронзовый котель, стволъ большой сосны и кости сайги. Съ тѣхъ поръ крѣпко держится повѣріе, что на этой горѣ зарытъ кладъ и многіе пытаются отыскать лежащія въ землѣ богатства. Такое-же повѣріе существуетъ относительно пещеръ въ Кандыгатайскихъ горахъ.

Какъ на сказку, можно указать на слѣдующую, изъ которой исчезло названіе дѣйствующихъ лицъ и даже мѣстности. Нѣкто замѣтилъ у какой-то горы огонь и подойдя ближе увидѣлъ пещеру, заваленную камнями и глиной. Полагая, что въ пещерѣ скрытъ кладъ, который и горѣлъ, находчикъ обратился къ колдуну съ вопросомъ, какъ открыть пещеру. Колдунъ отвѣтилъ, что пещера сама откроется, но только тогда, когда открывшій ее срубитъ 40 головъ. Тогда нашедшій пещеру выдѣлалъ изъ дерева 40 головокъ, срубилъ ихъ и предъ нимъ открылась пещера съ несмѣтными богатствами.

Весьма распространена сказка про братьевъ Атантая и Джамарта. Первому изъ нихъ удалось завладѣть золотымъ истуканомъ. Истуканъ обладалъ такимъ свойствомъ, что каждая отрубленная часть его немедленно возстановлялась. Передъ смертью Атантая бросилъ истуканъ въ воду. Накопленный Атантаемъ богатства перешли къ брату его, Джамарту, но такъ какъ у

него они не возобновлялись, то Джамартъ обѣдѣлъ и умеръ съ голоду. По первоначальному происхожденію, сказка эта не киргизская. Она занята изъ арабской литературы, гдѣ говорится про челоѣка Хатымъ, жившаго въ мѣстности Тай, прозваннаго щедрымъ,—джамертъ. Киргизы, соединивъ слова Хатымъ и Тай и отдѣливъ Джамартъ, сдѣлали изъ одной личности двухъ братьевъ.

Какъ выше сказано, кладъ, по мнѣнію киргизовъ, долженъ принадлежать тому, кто его нашелъ. Но если бы при находкѣ присутствовалъ старикъ, не принимавшій въ самой находкѣ активного участія, то ему, изъ уваженія къ годамъ, должно дать значительную часть найденнаго. Эту дань возрасту киргизы платятъ также при охотѣ. Первая добыча принадлежитъ старику, встрѣтившемуся ранѣе, чѣмъ охотникъ успѣетъ приторочить пойманнаго звѣря.

Переходя затѣмъ къ находкѣ потерянной кѣмъ-либо вещи, надо замѣтить, что самый фактъ находки служитъ лишь основаніемъ для полученія вознагражденія—„чуюнчи“ и что вещь остается въ рукахъ нашедшаго ее лишь въ томъ случаѣ если не найдется хозяинъ, т. е. если она представляется ничьею вещью. Кто найдетъ какую-нибудь вещь, долженъ въ присутствіи народа объявить о находкѣ, прокричавъ трижды: „я нашелъ такую и такую-то вещь“, напр. топоръ. Неисполнившій этого обряда, называемаго „луката“ (араб.), можетъ быть привлеченъ къ суду биевъ, которые обязываютъ возвратитъ вещь безъ полученія чуюнчи и объявляютъ нашедшаго потерянную вещь ненадежнымъ челоѣкомъ. Размѣръ чуюнчи простирается до $\frac{1}{3}$ стоимости потерянной вещи. Изложенныя правила примѣняются киргизами одинаково ко всѣмъ вещамъ, за исключеніемъ овецъ. Нашедшій овцу оставляетъ у себя ее потомство, а хозяину возвращаетъ только потерявшуюся штуку. Если однако окажется на овецъ испорченнымъ знакъ потеряшаго ее хозяина, то это считается указаніемъ на то, что нашедшій нахѣревался присвоить ее и тогда онъ обязанъ возвратитъ овцу вмѣстѣ со всѣмъ приплодомъ. При киргизской общественности, при постоянныхъ посѣщеніяхъ и разъѣздахъ изъ аула въ

ауль, въ стени весьма быстро обнаруживается всякая находка, всякая новая вещь, появившаяся у того или другаго. Одинаково быстро расходуется и извѣстіе о потерявшемся, а потому скрыть находку очень трудно и почти всегда потерянная вещь возвращается въ руки своего хозяина, что и выражается у киргизовъ въ слѣдующей пословицѣ: „Тапканъ сюинэдэ, таныганъ аладэ“, т. е. нашедшій радуется, обознавшій возьметъ.

Д А Р Е Н І Е.

Дареніе у киргизовъ весьма развито; нѣтъ въ ихъ жизни ни одного торжественнаго случая, который не сопровождался бы болѣе или менѣе значительными, обязательными подарками, а кромѣ того существуютъ особня, точно опредѣленные юридическія отношенія, сущность которыхъ сводится къ обязанности давать и праву получать подарки. О многихъ обязательныхъ подаркахъ, даваемыхъ при сватовствѣ и свадьбѣ, было сказано выше и тамъ замѣчено, что, по мнѣнію киргизовъ, свадьба можетъ скорѣе имѣть мѣсто безъ уплаты калыма, нежели безъ подарковъ. Послѣднимъ изъ подарковъ, даваемыхъ по случаю свадьбы, считается „туркундеу“, подарокъ, даваемый отцомъ жениха невѣстѣ при вѣздѣ ея въ ауль мужа. Этотъ подарокъ не обязателенъ. Отецъ жениха можетъ и не дать „туркундеу“ и никто требовать его не вправе. Но послѣ смерти отца „туркундеу“ можетъ быть отыскиваемъ на судѣ и бии обязываютъ выдѣлить изъ наслѣдства часть, у богатыхъ обыкновенно 100 барановъ, которая должна вознаграждать невѣсту, не получившую „туркундеу“.

Къ числу дальнѣйшихъ, обязательныхъ между родственниками подарковъ, принадлежатъ подарки, дѣлаемые отцомъ замужней дочери при каждомъ посѣщеніи ею родительскаго аула и подарки, даваемые дочерью родителямъ, когда они пріѣзжаютъ въ ауль ея мужа. Одинаково съ предыдущими, обязателенъ подарокъ внуку отъ дочери при посѣщеніи имъ дѣда. Если бы дѣдъ въ три первыхъ посѣщенія ничего не далъ, то внукъ можетъ взять изъ имущества перваго, что ему угодно, а жалоба на такой захватъ не

будетъ уважена, потому что захватившій вещь поступилъ, какъ внукъ — „Джіендыкъ калды“. При посѣщеніи почетными киргизами другъ друга, въ особенности если посѣщеніе неожиданно, обязательно тоже дать подарокъ, разнообразящійся въ стоимости по достоинству гостя.

Всего замѣчательнѣе однако подарки, дѣлаемые тамырами, т. е. друзьями, заключающими между собою дружбу, большею частью, исключительно ради обмѣна подарками.

По происхожденію своему, тамырство относится къ глубокой древности, къ тѣмъ временамъ, когда киргизы, кочуя ближе къ Средней Азіи, приходили въ постоянныя столкновенія, какъ съ иными племенами, такъ и между собою и когда каждый старался создать для себя болѣе прочное положеніе посредствомъ приобрѣтенія возможно большаго количества друзей, обязанныхъ защищать тамыра подѣ условіемъ взаимности. Съ умиротвореніемъ степи, съ водвореніемъ въ ней гражданскаго порядка, постепенно исчезаетъ потребность въ прежнихъ связяхъ и отъ древняго тамырства остаются лишь кое-какіе остатки, потерявшіе прежній практической смыслъ. Въ настоящее время различаются три рода тамырства: самая крѣпкая связь—это дружба, соединяющая между собою дозь-тамыровъ, т. е. друзей до вѣка. Заключается дозь-тамырство посредствомъ объятія съ обнаженной грудью „кушакъ тасканъ“ или пожатія другъ друга за большой палецъ—„бармакъ узъ тасканъ“. Дозь-тамыръ обязанъ всегда помогать своему другу, онъ можетъ взять у него безъ спроса все, что ему угодно и никакихъ расчетовъ между друзьями не полагается. Время существованія этой дружбы не опредѣляется; она переходитъ съ отцовъ на сыновей до тѣхъ поръ, пока сынъ одного изъ тамыровъ не просватаетъ за себя дочери другаго. Въ сватовствѣ, равно какъ и въ потребованныхъ вещахъ тамыръ не долженъ отказывать другу. Въ настоящее время дозь-тамырство встрѣчается очень рѣдко и преимущественно между стариками.

Вторую степень представляетъ сюекъ-тамырство, т. е. костьная дружба, связующая между собою сватовъ и не требующая никакихъ особыхъ обрядовъ, кромѣ описанныхъ выше. Наконецъ

низшая, весьма распространенная форма — это словесная дружба (аусь-тамырь). Спустя некоторое время послѣ заключенія тамирства словеснаго, предложившій дружбу посылаетъ своему другу подарокъ, а затѣмъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или годъ получаетъ самъ равноцѣнную вещь, называемую «колка». Если одинъ изъ тамыровъ, сдѣлавшій подарокъ, не получитъ взаменъ равноцѣнной вещи, или если кто-нибудь изъ нихъ не пособитъ другому въ несчастномъ случаѣ, напр. при уплатѣ куна, справленіи поминокъ и т. п. спеціальнымъ подаркомъ — „джилу“, то дѣло обыкновенно переходитъ на судъ биевъ, которые своимъ рѣшеніемъ заставляютъ невѣрнаго друга расчитаться. Съ нѣкоторымъ уваженіемъ относятся киргизы въ настоящее время къ тамирству между сватами, полагая, что сватовство устанавливаетъ дѣйствительно прочную связь: „су сузельмейдэ, сукъ узельмейдэ“, т. е. вода не цѣдится (не даетъ осадка), кость не разъединяется. Словесная же дружба не пользуется популярностью. На человѣка, имѣющаго много тамыровъ, смотрятъ какъ на вѣтренника, не умѣющаго цѣнить своего имущества и увѣрены, что рано или поздно онъ поссорится съ своими друзьями: „тамырь тубе дау, бурдасъ тубе джау“, т. е. тамыры кончатъ споромъ, ровесники кончатъ враждою.

Обязателенъ, наконецъ, подарокъ т. н. второму тестю, а равно со стороны послѣдняго — приемному зятю. Дѣло въ томъ, что у каждаго киргиза, кромѣ отца жены, имѣется второй тесть — „укыль-ата“, т. е. ввѣренный тесть. Когда киргизъ женится, то одинъ изъ почетныхъ аксакаловъ его рода вызывается самъ или приглашается женихомъ быть вторымъ тестемъ и при этомъ дѣлаетъ приемному зятю небольшой подарокъ. Послѣ свадьбы, когда женихъ пріѣдетъ съ женой въ ауль отца „укыль-ата“, можетъ ~~двать~~ взять изъ приданаго любую вещь, за что послѣ, при выдѣлѣ отцомъ приемнаго зятя, обязанъ сдѣлать послѣднему хорошій подарокъ.

Патріархальный строй киргизской жизни, подчиненіе всѣхъ членовъ семьи главѣ ея, въ настоящее время, при болѣе близкомъ столкновеніи съ русскими, приходитъ постепенно въ упадокъ, и

прежде всего это отражается на возрастающемъ постоянно количествѣ выдѣловъ, распавшей семьи на нѣсколько самостоятельныхъ семействъ. Обыкновенно указываемыя киргизами причины каждаго отдѣльнаго выдѣла, какъ-то: семейный разладъ, невозможность вести въ одномъ мѣстѣ значительное хозяйство и содержать большіе табуны, неспособность престарѣлаго главы управляться со сложнымъ хозяйствомъ, желаніе приобрести новыя зимовья и т. п. причины, не болѣе какъ внѣшніе стимулы, прикрывающіе собой настоящую, болѣе глубокую причину, а именно переворотъ, совершающійся постепенно во всѣхъ взглядахъ и потребностяхъ киргизовъ. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что раздѣлы преимущественно практикуются среди богатыхъ киргизовъ, т. е. той части населенія, которая ближе всего входитъ въ прикосновеніе съ русскими, которая сталкивается съ ними не случайно, мимоходомъ, а завязываетъ болѣе постоянныя сношенія. Между тѣмъ какъ люди средніе и бѣдные живутъ все еще по прежнему, между тѣмъ, какъ у нихъ, въ общемъ семейномъ имуществѣ нерѣдко можно встрѣтить часть брата, живущаго далеко и лишь изрѣдка посѣщающаго родной аулъ,—богатые, пользующіеся у киргизовъ особымъ почетомъ, имѣющіе громадное вліаніе на всѣхъ окружающихъ и имѣющіе больше возможности сохранить въ цѣлости старинные обычаи, легче всего отказываются отъ нихъ.

Рѣшившись по какимъ-бы то ни было причинамъ выдѣлить одного изъ своихъ сыновей, выдѣляющій созываетъ родственниковъ и друзей и объявляетъ имъ горжественно о своемъ намѣреніи и о томъ, какую часть своего имущества онъ даетъ выдѣляемому. При этомъ, какъ и при всякомъ торжественномъ случаѣ, рѣжется баранъ, читается бата, а затѣмъ начинается выдѣлъ и, обыкновенно, наложеніе знака, тавра новаго владѣльца на каждую выдѣляемую изъ стада штуку. Присутствующіе родственники въ свою очередь помогаютъ выдѣляемому, дѣлая ему подарки—„нимеурунъ“. Въ тотъ день, когда выдѣляютъ барановъ, жена выдѣляемаго отдаетъ свекру одну изъ лучшихъ вещей своего приданаго, напр. хорошій халатъ; послѣ этого подарка, называемаго „насакъ

басы", т. е. арканъ головъ (овцы и бараны привязываются у киргизовъ въ длинный рядъ за головы къ волосяной веревкѣ) читается бата.

Часть, выдаваемая отцомъ сыну зависитъ вполне отъ перваго и никакихъ протестовъ противъ этого со стороны сына не допускается.

Въ первое время послѣ выдѣла отецъ обыкновенно помогаетъ сыну, напр. при приобретѣніи хорошей зимовки, но затѣмъ, когда хозяйство послѣдняго упрочится, то сынъ обязанъ помогать отцу, причѣмъ помощь эта выражается преимущественно въ личныхъ услугахъ, напр. закупкѣ необходимыхъ вещей на средства, отпускаемыя отцомъ, продажѣ лошадей, барановъ и пр.

Если у киргиза имѣется нѣсколько сыновей, желающихъ жить отдѣльно, то всѣ они выдѣляются, а отецъ остается одинъ въ своей вибиткѣ, которая послѣ его смерти переходитъ къ старшему изъ сыновей. Чаще однако младшій изъ сыновей не выдѣляется и живетъ при отцѣ до его смерти, а послѣ того наследуетъ одинъ все оставшееся имущество, на которое выдѣленные братья его никакихъ правъ не имѣютъ. Завѣщанія стали появляться у киргизовъ весьма недавно, но они не пользуются популярностью и бѣмъ не придаютъ имъ никакого значенія.

Д О Г О В О Р Ы.

Договоры у киргизовъ заключаются или просто посредствомъ словеснаго обѣщанія, или же облакаются въ болѣе торжественную форму посредствомъ присяги, присутствія свидѣтелей и наконецъ, съ недавняго времени, письменныхъ договоровъ. Первые, т. е. словесные договоры, юридической силы не имѣютъ и неисполненіе даннаго слова или обѣщанія считается лишь дѣломъ безчестнымъ, недостойнымъ порядочнаго человека: „увадасы джокта-иманъ джекъ; иманы джокка-худай джокъ“, т. е. кто не сдерживаетъ слова, у того нѣтъ вѣры; у кого нѣтъ вѣры, у того нѣтъ Бога. Несдерживающій обѣщанія называется „вагдасысь“, т. е. ненадежный или „суайтъ“, лгунъ.

Не смотря на то, что договоры, заключающіеся безъ свидѣтелей не имѣютъ юридической силы, люди, довѣряющіе другъ другу, избѣгаютъ свидѣтелей и ограничиваются однимъ общаніемъ, въ той надеждѣ, что если впоследствии возникнутъ какія-либо недоразумѣнія, то они выяснятся очистительной или подтвердительною присягой, принимаемой постороннимъ киргизомъ, по убѣжденію. Этотъ способъ рѣшенія споровъ черезъ присягу посторонняго, пользующагося довѣріемъ киргиза, составляетъ старинную принадлежность киргизскаго процесса и хотя онъ вообще и сохраняетъ свою силу по настоящее время, но по отношенію къ спорамъ, вытекающимъ изъ договоровъ, онъ вытѣсняется постепенно свидѣтельскими показаніями, а въ новѣйшее время, съ распространеніемъ грамотности, письменными документами. Общеупотребительная форма состоитъ въ принятіи присяги въ присутствіи одного до трехъ свидѣтелей. Договаривающіеся читаютъ въ присутствіи свидѣтелей бату, обѣщаются исполнить свято договоръ, затѣмъ объявляютъ присутствующимъ о содержаніи договора и наконецъ угощаютъ свидѣтелей мясомъ.

Въ менѣ важныхъ случаяхъ прочтеніе присяги сопровождается рукобитіемъ, въ болѣе же важныхъ каковоинибудь влѣтвой напр. „осу сюземыъ ны бузга, нымызды худай бузсынь“, т. е. да испортитъ Богъ того изъ насъ, кто испортитъ сіи наши слова; или же произносятъ договоръ, положивъ себѣ на голову камень, что называется „таъ коюсканъ“ и равняется влѣтвѣ; или же ѣдятъ хлѣбъ съ солью „нанъ-тузъ“, т. е. хлѣбъ—соль.

Спеціальныя обряды соблюдаются при заключеніи между киргизами условія объ общей враждѣ и при примиреніи съ врагомъ. Въ первомъ случаѣ собираются въ одну юрту всѣ почетныя киргизы данной партіи, уславливаются на счетъ вражды, обѣщаются себѣ взаимную помощь, обязуются не заключать мира по одиначкѣ и затѣмъ колютъ или сѣрую лошадь съ лисиной—„кокъ каска“ или бѣлаго барана съ желтой головой—„акъ саръ бась“, при чемъ загалывающій говоритъ: „пустъ течеть кровь того, кто измѣнитъ, какъ у этой лошади (или у этого барана)“, а всѣ присутствующіе отвѣчаютъ „аминъ“. При заключеніи мировой, представители обѣ-

ихъ партій собираются два раза, сначала въ аулѣ одного изъ почетныхъ киргизовъ одной партіи, а послѣ въ аулѣ другой партіи и каждый разъ колютъ барана, читая трижды бату, а именно: въ моментъ закланія барана, когда его мясо сварится и послѣ съѣденія мяса.

Побочными договорами, подтверждающими главный, служатъ у киргизовъ поручительство и залогъ. Послѣдній, т. е. залогъ появился сравнительно недавно и ограничивается залогомъ зимовокъ. Въ случаѣ неисполненія контрагентомъ условія, заложенная зимовка переходитъ во владѣніе кредитора, который пользуется ею до выкупа должникомъ. Если однако должникъ въ теченіи 10 лѣтъ не выкупитъ зимовки, то она переходитъ въ собственность кредитора.

Поручительство различается двухъ видовъ: порука за человѣка, т. е. за дѣйствіе его и порука за имущество. Въ первомъ случаѣ поручитель обязанъ исполнить самъ тѣ дѣйствія, отъ исполненія которыхъ добровольно или недобровольно уклонился первоначально обязавшійся: „ерге кепель уледе“, т. е. за человѣка порука умираетъ (исполняетъ обязательство).

Во второмъ случаѣ поручитель, въ случаѣ уклоненія должника, обязанъ удовлетворить кредитора своимъ имуществомъ. „Малга кепель тулейде“, т. е. за скотъ порука платитъ.

Процентовъ, задатковъ, неустоекъ киргизы не знаютъ въ сдѣлкахъ между собою; встрѣчаются подобныя условія только въ сдѣлкахъ съ русскими или татарами.

Обязательство, лежащее на киргизѣ, переходитъ послѣ его смерти на наследниковъ, которые, изъ нежеланія запятнать память умершаго, платятъ очень исправно оставшіеся долги, такъ что подобныя дѣла сравнительно рѣдко доходятъ до суда биевѣ.

Мѣры, употребляемыя киргизами въ сдѣлкахъ между собою суть слѣдующія:

а) мѣры длины:

„кулачъ“, т. е. махъ—длина вытянутыхъ горизонтально рукъ человѣка средней величины, „тюсъ-чары“—поль-маха, „сере“—большая четверть, пространство между большимъ пальцемъ и мизин-

цемъ, „карысь“—пространство между большимъ пальцемъ и безымяннымъ, „сдемъ“—малая четверть, пространство между большимъ пальцемъ и указательнымъ, „тутамъ“—кулакъ, т. е. ширина сжатой кисти, „еле“—толщина большого пальца. Разстоянія измѣряются посредствомъ шаговъ „адымъ“ и „чакрымъ’овъ“, т. е. разстоянія, на какое слышенъ человѣческій голосъ, 1—2 версты, и наконецъ „кечь“—перекочевка, т. е. пространство, на которое передвигается аулъ во время кочевки. Различается еще кечь весенній и осенній, причемъ первый меньше втораго, такъ какъ весной, когда скотъ не успѣлъ еще оправиться, аулы передвигаются тише, нежели осенью.

Сыпучія тѣла измѣряются посредствомъ заповъ—мѣшковъ, снимаемыхъ изъ узкихъ полосъ (въ малую четверть) самодѣльной киргизской матеріи. Капы весьма разнообразны; едва-ли найдутся двѣ волости, въ которыхъ они были бы одинаковой величины, а потому мѣрой служить не могутъ и требуютъ сами опредѣленія посредствомъ какой-нибудь другой болѣе постоянной единицы. Единицей такой служатъ полосы, о которыхъ упомянуто выше—„инъ“, такъ что величина капа опредѣляется по числу полосъ, изъ которыхъ онъ шить. Меньшими мѣрами служатъ: „чиликъ“—деревянная мѣра, величиною съ ведро, „восусъ“—пригоршня, „уусъ“—горсть. Жидкости измѣряются посредствомъ „чиликъ“, „суузсынъ, аякъ“—чашка, утоляющая жажду, „керсенъ“—чашка въ три раза больше предыдущей, „чара“—большая чашка для кумысу и проч. При продажѣ скота единицей считается взрослый баранъ. Десять барановъ равняются одной лошади, а четыре (пять) лошади—одному верблюду. Шесть мерлушекъ, а въ послѣднее время пять, равняются половинѣ барана. Звѣри, шкуры звѣринныя, птицы и рыбы продаются поштучно. Въ сдѣлкахъ съ русскими киргизы употребляютъ русскія мѣры и русскія деньги.

Самые употребительные имущественные договоры киргизовъ сводятся по отношенію къ недвижимости къ отдачѣ въ аренду зимовыхъ мѣстъ и пашень; по отношенію же къ движимости—къ отдачѣ въ ссуду скота и вещей.

Зимовыя стойбища отдаются бѣдными богатымъ большею частью

только на одинъ годъ за весьма разнообразную цѣну. Въ тѣ года, когда корму много, когда скоту не угрожаетъ джуть, плата за зимовки весьма низка, иногда не превышающая собою стоимости барана или количества годовой подати. Когда же зима стоитъ суровая и пастбища занесены снѣгомъ или, что еще хуже, послѣ временной оттепели покроются тонкимъ слоемъ льда, тогда цѣны растутъ быстро и доходятъ до громадныхъ размѣровъ. Бывали случаи, что за зимовья стойбища хозяинъ получалъ $\frac{1}{20}$ и даже $\frac{1}{10}$ часть паспасаго на нихъ скота.

Пашни гораздо рѣже сдаются въ аренду и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ принадлежатъ богатымъ киргизамъ, не имѣющимъ ни возможности, ни желанія заниматься земледѣлемъ. Обыкновенная въ такихъ случаяхъ система состоитъ въ полученіи съ обработавшаго землю части хлѣба, большею частью столь значительной, что работавшему остается лишь необходимое для пропитанія себя въ теченіи зимы. Громадное большинство пашень, кое-гдѣ разбѣнныхъ по степи, принадлежитъ бѣднякамъ. Люди эти, называемые „эгенчи“—земледѣлецъ, въ веснѣ весьма часто не имѣютъ даже сѣмянъ для засѣва своихъ крохотныхъ полосокъ и въ такихъ случаяхъ либо передаютъ землю болѣе счастливымъ родственникамъ за ничтожное вознагражденіе изъ будущаго урожая, или же занимаютъ сѣмена, за которыя отдаютъ значительную долю изъ будущаго урожая. Вообще, такъ какъ земледѣліе у киргизовъ мало развито и такъ какъ киргизы неохотно принимаютъ за хлѣбопашество, то и обычай, относящійся сюда, весьма мало развитъ и не представляютъ изъ себя ничего болѣе или менѣе постояннаго.

Ссуда практикуется преимущественно по отношенію къ скоту; богатый киргизъ считаетъ своимъ долгомъ каждое лѣто снабдить не только немущихъ родственниковъ, но и многихъ знакомыхъ необходимымъ скотомъ. Верблюды даются для кочевокъ, лошади для ѣзды, а бараны и рогатый скотъ для удою. За ссуду вознагражденія никакого не берется и для взявшаго существуетъ только обязанность возвратитъ скотъ въ цѣлости. Отдача лошади называется отдачей подъ жиръ — „май“, т. е. до тѣхъ поръ, пока

лошадь не похудѣть, что, смотря по ѣздѣ, наступаетъ въ 2—3 мѣсяца. Въ случаѣ если скотъ возвращается въ захудаломъ видѣ, хозяинъ можетъ не взять его обратно и тогда пользовавшійся имъ или оставляетъ его у себя до поправленія, или же возвращаетъ хозяину стоимость скота. Отдача скота для доенія—„сютунъ саунга берсень“ сопровождается иногда, въ особенности близъ городовъ, платой, не превышающей 5—7 рублей за лѣто.

Изъ вещей отдаются въ пользованіе юрты, телѣги и т. п. бесплатно, но съ обязанностью возвратить вещь въ цѣлости. При исполненіи сдѣлокъ киргизы между собою стараются быть по возможности аккуратными. Въ случаѣ обѣднѣнія, несостоятельности, они дѣлаютъ другъ-другу отерочки, уменьшаютъ требованія, а при полной невозможности получить удовлетвореніе, если несостоятельность произошла помимо вины несостоятельнаго—„худай амре (араб.) менень“, т. е. по повелѣнію Божию, долгъ прощается вполне и превращается въ обязанность молиться за провиншаго—„закеть“ (коран.)

Если однако причина неуважительна, вызвана легкомысліемъ должника, то кредиторъ можетъ при производствѣ взысканія взять всѣ вещи, за исключеніемъ юрты, тагана, чашекъ, ложекъ, постели и необходимой мужской и женской одежды, а несостоятельному должнику присваивается кличка боршкѳръ“, т. е. задолжавшій кругомъ. Ограбываніе долга встрѣчается очень рѣдко и только по желанію самаго должника.

Въ сдѣлкахъ съ русскими киргизы руководствуются совсѣмъ противоположными принципами. Между тѣмъ какъ между собою и по отношенію къ татарамъ и сартамъ, въ особенности поселившимся окончательно въ степи, замѣчается у киргизовъ много честности и уваженія къ торгующимъ, купцы, проживающіе въ городахъ и производящіе торгъ въ степи временно, въ особенности же русскіе торговцы, вынуждены быть всегда на сторожѣ. Обманъ и мошенничество по отношенію къ нимъ не только не считаются преступленіемъ, но всегда найдутъ среди киргизовъ помощь и защиту. Причиной этому служитъ отчасти религіозный и національный антогонизмъ по отношенію къ русскимъ, въ большей же

лошадь не похудѣетъ, что, смотри по ѣздѣ, наступаетъ въ 2—3 мѣсяца. Въ случаѣ если скотъ возвращается въ захудаломъ видѣ, хозяинъ можетъ не взять его обратно и тогда пользовавшійся имъ или оставляетъ его у себя до поправленія, или же возвращаетъ хозяину стоимость скота. Отдача скота для доенія—„сютунъ саунга берсень“ сопровождается иногда, въ особенности близъ городовъ, платой, не превышающей 5—7 рублей за лѣто.

Изъ вещей отдаются въ пользованіе юрты, телѣги и т. п. бесплатно, но съ обязанностью возвратитъ вещь въ цѣлости. При исполненіи сдѣлокъ киргизы между собою стараются быть по возможности аккуратными. Въ случаѣ обѣднѣнія, несостоятельности, они дѣлаютъ другъ-другу отсрочки, уменьшаютъ требованія, а при полной невозможности получить удовлетвореніе, если несостоятельность произошла помимо вины несостоятельнаго—„худай амре (араб.) менень“, т. е. по повелѣнію Божію, долгъ прощается вполне и превращается въ обязанность молиться за простившаго—„закеть“ (коран.)

Если однако причина неуважительна, вызвана легкомысліемъ должника, то кредиторъ можетъ при производствѣ взысканія взять всѣ вещи, за исключеніемъ юрты, тагана, чашекъ, ложекъ, постели и необходимой мужской и женской одежды, а несостоятельному должнику присваивается кличка боршкѳръ“, т. е. задолжавшій кругомъ. Ограбываніе долга встрѣчается очень рѣдко и только по желанію самаго должника.

Въ сдѣлкахъ съ русскими киргизы руководствуются совсѣмъ противоположными принципами. Между тѣмъ какъ между собою и по отношенію къ татарамъ и сартамъ, въ особенности поселившимся окончательно въ степи, замѣчается у киргизовъ много честности и уваженія къ торгующимъ, купцы, проживающіе въ городахъ и производящіе торгъ въ степи временно, въ особенности же русскіе торговцы, вынуждены быть всегда на сторожѣ. Обманъ и мошенничество по отношенію къ нимъ не только не считаются преступленіемъ, но всегда найдутъ среди киргизовъ помощь и защиту. Причиной этому служитъ отчасти религіозный и національный антогонизмъ по отношенію къ русскимъ, въ большей же

лились въ городахъ или поблизости ихъ. Въ отдаленныхъ волостяхъ найдется лишь нѣсколько человѣкъ, которые не ограничиваясь скотоводствомъ, производятъ торгъ скотомъ или краснымъ товаромъ.

Выше было уже изложено, что у киргизовъ, по отношенію къ предметамъ, допускающимъ выдѣленіе ихъ въ частное владѣніе, преобладаетъ принципъ семейной собственности и что этотъ принципъ проводится на практикѣ весьма послѣдовательно, даже въ такихъ случаяхъ, когда вещь не можетъ принести ея владѣльцу непосредственнаго дохода и когда на основаніи существующихъ узаконеній она должна-бы перейти въ другія руки (выдѣлъ зимовокъ лицамъ, не имѣющимъ скота). Изъ означеннаго принципа существуютъ лишь немногія исключенія, которыя, не будучи настолько разработаны, чтобы представлять изъ себя спеціальныя институты т. н. правъ на чужія вещи, поддаются развѣ перечисленію по одиночкѣ. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе тѣ случаи, въ которыхъ киргизу дозволяется пользоваться чужою движимостью.

Въ старину право это распространялось на всѣ необходимыя орудія и на лошадей, такъ что нуждающійся въ орудіяхъ или лошади киргизъ могъ безъ всякаго спроса взять у хозяина необходимую ему вещь и пользоваться ею до минованія необходимости. Со временемъ, обычай этотъ измѣнился значительно и въ настоящее время означенное право, суженное въ своихъ размѣрахъ, сохранилось лишь для родственниковъ владѣльца. Родственникъ можетъ всегда взять безъ спроса лошадь для ѣзды или барановъ для доенія или даже въ крайности для уплаты долга, но обязанъ возвратить ихъ къ осени или къ опредѣленному сроку. Посторонніе вправѣ взять любую лошадь у каждаго человѣка лишь въ одномъ случаѣ, а именно если она необходима для погони за угнаннымъ стадомъ или для преслѣдованія воровъ и барантачей. Самое широкое право пользованія сохраняется за нуждающимся отцомъ по отношенію къ имуществу выдѣленнаго сына. Какъ выше замѣчено, отецъ вправѣ взять любую вещь у сына и пользоваться ею сколько ему угодно. Протестъ сына, даже въ случаѣ заявленія его, во вниманіе не принимается.

Недвижимыя имущества, состоящія въ частной собственности, отъ всякихъ ограниченій въ пользу другихъ лицъ вполне изъяты и всякій ущербъ, причиненный хозяину, всякая погрѣха влечетъ за собою обязанность вознаградить послѣдняго, а если за нанесшимъ убытокъ можно предполагать умыселъ, то и обязанность уплатить штрафъ. Такъ, киргизъ, совершившій по невѣденію порубку въ частномъ лѣсу, вывезившій сѣно на частномъ сѣнокосѣ, потравившій необерегаемый чужой хлѣбъ или чужое сѣно, обязанъ вознаградить собственника, смотря по количеству причиненнаго вреда, при чемъ количество послѣдняго обыкновенно опредѣляется двумя посредниками, выбираемыми по одному со стороны виновнаго и потерпѣвшаго. Разбирая подобныя дѣла, бѣи обыкновенно присуждаютъ уплатить только стоимость вещи до момента нарушенія, напр. стоимость нескошенной травы, не вырубленнаго лѣса. Если поэтому, потерпѣвшій получаетъ самую вещь, то онъ обязанъ вознаградить провинившагося за потерянный имъ трудъ. Если однако выкошеннымъ или потравленнымъ окажется хлѣбъ или сѣно, охранявшееся, то нанесеніе убытка считается умышленнымъ и виновный обязанъ возмѣстить стоимость снятаго хлѣба или сѣна.

Всѣ подобныя иски рѣшаются большею частью миролюбиво выбираемыми въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ посредниками.

Л И Ч Н Ы Й   Н А Е М Ъ .

При большомъ хозяйствѣ, многочисленныхъ стадахъ, киргизы не могутъ обходиться безъ рабочихъ. Часть ихъ даютъ воспитанныя при богатыхъ аулахъ сироты и бѣдные родственники, поселившіеся у богатаго человѣка и состоящіе подъ его покровительствомъ. Остальные-же нанимаются изъ числа бѣдныхъ лицъ, не имѣющихъ собственныхъ средствъ для пропитанія себя и семьи. Нуждающійся въ работѣ предлагаетъ обыкновенно самъ свои услуги и нанимается ~~за полгода~~, т. е. на 7 лѣтнихъ мѣсяцевъ (съ апрѣля) или на 5 зимнихъ мѣсяцевъ (съ ноября). Только хорошій работникъ, извѣстный своимъ трудолюбіемъ и честностью, отыски-

зается хозяевами и получает приглашенія; остальные, желая наняться, кочуютъ отъ аула къ аулу, отыскивая себѣ работу. Условія найма весьма разнообразны; они зависятъ отъ качества рабочаго и отъ того, нанимается-ли онъ одинъ или съ семействомъ; плата производится всегда натурой. Если нанимается одинъ только рабочій, а семья его остается въ своей юртѣ, то ему, смотря по достоинству его, дается пища и 10—40 овецъ для пропитанія семьи, которая доитъ овецъ, приготовляетъ изъ молока запасъ курта и масла на зиму, и стрижетъ шерсть на кошму. Съ окончаніемъ срока службы, бараны возвращаются хозяину. Работникъ, поступающій въ услуженіе со всею семьей, кромѣ пищи для себя и барановъ для пропитанія семьи своей, получаетъ необходимую одежду для себя, а именно: шаравары, сапоги, тулупъ или халатъ и пр., для жены платье или джавлузъ и сверхъ того 5-ти лѣтняго мерина или 4-хъ лѣтнюю кобылу (хорошему работнику), 2-хъ лѣтняго жеребенка (среднему рабочему) или барана (плохому рабочему). Иногда и работникъ и жена его пользуются хозяйскими харчами; въ такомъ случаѣ число барановъ для удоя уменьшается на половину.

Обыкновенная пища киргиза, въ особенности работника, отличается разнообразіемъ. Лѣтомъ она состоитъ изъ молока свѣжаго и кислаго (айранъ) и иногда изъ кумысу; зимою главными кушаньями служатъ „бидай-воже“—жидкая каша изъ зеренъ пшеницы, сваренныхъ въ водѣ съ молокомъ, и курта (куртъ—сыръ изъ овечьего молока), къ чему изрѣдка прибавляется мясо заколотыхъ осенью барановъ и лошадей.

Въ прежнее время нѣкоторыя работы производились киргизами съ помощью цѣлаго рода. Таковы складываніе памятника надъ умершимъ, проведеніе арыка, постройка зимовки. Въ настоящее время обычай этотъ вышелъ изъ употребленія, а на его мѣсто явилась „момошь“, т. е. помощь, заимствованная у русскихъ. На помощь созываются всѣ сосѣди и близкіе, преимущественно для спѣшныхъ работъ, каковы косьба сѣна для слабаго скота на зиму и исправленіе скотскихъ дворовъ и зимовокъ. Во время помощи хозяинъ обязанъ угощать всѣхъ пріѣзжихъ мясомъ, кумысомъ и пр.

Артелей у киргизовъ не существуетъ. Нѣчто похожее на артели представляютъ впрочемъ охотничьи товарищества, составляющіеся очень рѣдко для охоты за сайгами, куланами, сурками и пр. Въ товарищества эти собираются 10—20 человѣкъ, которые избираютъ старшину—„отагосы“, а затѣмъ дѣлятъ добычу поровну между всѣми членами или-же по уговорамъ, разнообразящимся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Для обыкновенной охоты за маралами, арыарами, за лисицами съ беркутомъ и для рыбной ловли (на озерѣ Зайсанскомъ) никакихъ товариществъ не составляется и каждый ведетъ охоту самъ по собѣ, на свою руку.

III. УГОЛОВНОЕ ПРАВО.

. ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ВООБЩЕ.

Киргизы не различают дѣяній преступныхъ, безнравственныхъ и противу религіозныхъ. Всѣ эти категоріи поступковъ сливаются у нихъ въ одну группу вредныхъ дѣяній, совершаемыхъ человѣкомъ по злой волѣ, вслѣдствіе подстрекательства злаго духа, шайтана, который безуспѣшно старается принести человѣку какой-либо вредъ, то истребляя скотъ, то причиняя боли и огорченія, то наконецъ направляя его дѣятельность на худые поступки. Множество поговорокъ, сваливающихъ главную вину на шайтана, какъ нельзя рельефнѣе рисуютъ этотъ взглядъ киргизовъ: „шайтанъ азгырды“, т. е. чортъ соблазнилъ, „шайтанъ басы тады“, т. е. чортъ былъ въ головѣ, „шайтанъ мойна манды“, т. е. чортъ на шею сѣлъ, „адаспанъ дегенъ джигитѣ карангѣ туманъ адасы тыраръ“, т. е. нивогда бы не заблудился молодецъ, но въ темномъ туманѣ запутался, и т. д.

Съ другой стороны, киргизы вѣрятъ въ предопредѣленіе божіе, въ то, что Богомъ заранѣе опредѣленъ всякій фактъ, и что человѣкъ безсиленъ противодействовать этому предопредѣленію: „худай тагаланынъ бйруги“, т. е. такъ опредѣлено ему Богомъ; „худай тахтыры“, т. е. божья воля. Практическій выводъ изъ означенныхъ двухъ взглядовъ ведетъ киргизовъ къ тому, что за преступленіе или, но киргизски, за грѣховное дѣяніе, „куня“, самъ Богъ наказываетъ, выбирая для этого самые разнообразныя пути, какъ на землѣ, такъ и въ загробной жизни, въ пылающемъ огнѣ—„дозакъ“. „Сомъ тэмйргѣ балга баръ; сомъ сынганга таныръ баръ“, т. е. для крѣпкаго желѣза есть молотокъ, для самоудѣяннаго человѣка есть Богъ. Богъ внимаетъ молитвамъ обиженныхъ, онъ является ихъ защитникомъ и покровителемъ, мститъ за нихъ: „зурлукъ кургенды, кудай куреды“, т. е. обиженнаго Богъ призрѣтъ.

Что же касается разныхъ преступныхъ дѣяній, то киргизы

различаютъ умышленныя—„шайтанга эрды, напсынэ (араб. навсь) эрды“, т. е. преступленія, совершенныя по навожденію шайтана и по внушенію страстей; неосторожныя дѣянія—„хатадыкъ“, т. е. ошибка и случайныя—„худай эсе“, т. е. по божьей волѣ. Общее названіе для всѣхъ преступленій—„куня“, т. е. грѣхъ, дурное дѣло, которое по дѣленію, заимствованному изъ корана, распадается на „улькунъ куня“, т. е. большой грѣхъ и „кши куня“, т. е. малый грѣхъ.

Человѣческое правосудіе у киргизовъ сводится къ возмѣщенію понесеннаго имъ матеріальнаго ущерба и къ удовлетворенію чувства мести. Въ старину, оба эти взгляда, какъ можно судить по народнымъ воспоминаніямъ, находили себѣ полное выраженіе въ жизни, въ личныхъ расправахъ оскорбленныхъ съ оскорбителями, въ безконечныхъ родовыхъ распряхъ и войнахъ. Съ относительнымъ водвореніемъ мира, съ установленіемъ хотя и слабой ханской власти, прежній взглядъ выливается въ новую форму—строгихъ наказаній, которыя въ большинствѣ случаевъ могутъ быть искуплены частными сдѣлками, кунами и айпами, установленными бѣями, но могущими быть измѣненными по соглашенію потерпѣвшихъ и обвиняемыхъ.

Въ настоящее время мѣсть въ прежней, признанной обычаемъ, формѣ почти не практикуется, исчезнувъ изъ жизни подъ вліяніемъ соприкосновенія съ русской цивилизаціей, и почти единственными киргизскими наказаніями за всякія дѣянія, начиная съ убійства и кончая ничтожнѣйшимъ проступкомъ, являются штрафы—„ампъ“ за маловажныя проступки и „кунъ“ за лишеніе жизни, увѣчья и раны.

Низкая, сравнительно, степень культуры, на которой находятся киргизы, объясняетъ не только общій ихъ взглядъ на дѣяніе преступное, но и отношеніе къ многимъ дѣяніямъ, преслѣдуемымъ болѣе цивилизованными обществами, у киргизовъ же являющимся вполне закономѣрными. Не говоря уже о множествѣ т. н. полицейскихъ правонарушеній (*contraventione*), о которыхъ киргизы понятія не имѣютъ, здѣсь нельзя не отмѣтить ихъ отношенія къ такимъ дѣяніямъ, какъ изгнаніе плода, умерщвленіе новорожденнаго ребенка, оставленіе человѣка въ опасности, мошенничество и самоуправство, которыя признаются за дѣянія или вовсе непре-

различают умышленныя—„шайтанга эрды, напсынэ (араб. навсь) эрды“, т. е. преступления, совершенныя по навожденію шайтана и по внушенію страстей; неосторожныя дѣянія—„хаталыкъ“, т. е. ошибка и случайныя—„худай эсе“, т. е. по божьей волѣ. Общее названіе для всѣхъ преступленій—„куня“, т. е. грѣхъ, дурное дѣло, которое по дѣленію, заимствованному изъ корана, распадается на „улькунъ куня“, т. е. большой грѣхъ и „кши куня“, т. е. малый грѣхъ.

Человѣческое правосудіе у киргизовъ сводится къ возмѣщенію понесеннаго имъ матеріальнаго ущерба и къ удовлетворенію чувства мести. Въ старину, оба эти взгляда, какъ можно судить по народнымъ воспоминаніямъ, находили себѣ полное выраженіе въ жизни, въ личныхъ расправахъ оскорбленныхъ съ оскорбителями, въ безконечныхъ родовыхъ распряхъ и войнахъ. Съ относительнымъ водвореніемъ мира, съ установленіемъ хотя и слабой ханской власти, прежній взглядъ выливается въ новую форму—строгихъ наказаній, которыя въ большинствѣ случаевъ могутъ быть искуплены частными сдѣлками, кунями и айпами, установленными бѣями, но могущими быть измѣненными по соглашенію потерпѣвшихъ и обвиняемыхъ.

Въ настоящее время мѣсть въ прежней, признанной обычаемъ, формѣ почти не практикуется, исчезнувъ изъ жизни подъ вліяніемъ соприкосновенія съ русской цивилизаціей, и почти единственнымъ киргизскими наказаніями за всякія дѣянія, начиная съ убійства и кончая ничтожнѣйшимъ проступкомъ, являются штрафы—„айнъ“ за маловажныя проступки и „кунъ“ за лишеніе жизни, увѣчья и раны.

Низкая, сравнительно, ступень культуры, на которой находятся киргизы, объясняетъ не только общій ихъ взглядъ на дѣяніе преступное, но и отношеніе къ многимъ дѣяніямъ, преслѣдуемымъ болѣе цивилизованными обществами, у киргизовъ же являющимся вполне законоуверенными. Не говоря уже о множествѣ т. н. полицейскихъ правонарушеній (contraventione), о которыхъ киргизы понятія не имѣютъ, здѣсь нельзя не отмѣтить ихъ отношенія къ такимъ дѣяніямъ, какъ изгнаніе плода; умерщвленіе новорожденнаго ребенка, оставленіе человѣка въ опасности, мошенничество и самоуправство, которыя признаются за дѣянія или вовсе непре-

досудительныя или-же, какъ мошенничество, за дѣянія, служащія основаніемъ гражданскихъ исковъ.

Самоуправство, въ видѣ баранты, т. е. насильственнаго угона скота, составляетъ даже родъ подвига и настолько укоренилось въ народномъ сознаніи, что борьба съ ней русскихъ властей, не смотря на всю свою продолжительность, не даетъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Между тѣмъ какъ грабежи и разбои почти исчезли и въ этомъ отношеніи умиротвореніе степи сдѣлало значительный шагъ впередъ, баранта процвѣтаетъ по прежнему, обогащая каждый годъ лѣтописи степнаго правосудія сотнями и тысячами новыхъ дѣлъ о барантахъ, а въ народной памяти число батырей, героевъ, постоянно возрастаетъ, присоединяя къ прежнимъ богатырямъ новыхъ, прославившихся не борьбой съ врагомъ, съ барсомъ или кабаномъ, а удачнымъ угономъ стада.

Съ другой стороны, киргизская жизнь и киргизскіе обычаи выдѣляютъ отдѣльныя, безразличныя въ юридическомъ отношеніи дѣянія и дѣлаютъ изъ нихъ проступки, преслѣдуемые народнымъ судомъ. Сюда относятся прежде всего отказъ въ гостепріимствѣ и отрѣзаніе хвоста у лошади.

Киргизскій обычай не только вмѣняетъ гостепріимство въ обязанность, но старается даже странника заставить пользоваться гостепріимствомъ. Отправляясь въ дорогу, киргизъ не беретъ съ собою припасовъ, за исключеніемъ лишь случая, если путь его протекаетъ по безлюднымъ мѣстамъ и когда онъ, слѣдовательно, по необходимости долженъ запастись хотя-бы самымъ ничтожнымъ количествомъ курта и айрана. Если, поэтому, кто нибудь откажетъ въ принятіи странника, не накормитъ, не напоитъ его, то оскорбленный можетъ жаловаться на это, а судъ биевъ приговариваетъ виновнаго къ уплатѣ штрафа („аипъ“) — лошадь и халатъ — „атъ-чопанъ“, увеличивая и уменьшая штрафъ, смотря по обстоятельствамъ.

Обрѣзаніе хвоста у лошадей, какъ проступокъ, заключаетъ въ себя элементъ оскорбительный и, въ то же время, угрозу. По киргизскому обычаю, обрѣзываютъ хвостъ у лошади парня, пойманнаго въ моментъ полового сожителства съ посторонней ему дѣвушкой (у дѣвушки обрѣзывается коса), слѣдовательно обрѣзаніе

хвоста указывает на опозорѣніе владѣльца лошади. Угроза на-
ходится въ связи съ обычаемъ обрѣзывать хвостъ у лошади послѣ
смерти ея хозяина и обводитъ ее затѣмъ покрытою краснымъ сук-
номъ вокругъ аула, а по истеченіи года закалывать ее на „ашѣ“,
поминахъ. Обрѣзаніе хвоста у лошади живаго челоѣка считается
угрозой лишить его жизни посредствомъ насилія или колдовства,
а потому виновный подвергается штрафу въ размѣрѣ половины
стоимости лошади (въ прежнее время до одного тогуза), а если
въ теченіи года хозяинъ лошади умретъ или же умретъ кто-нибудь
въ его уалѣ, то обѣщаютъ выискать полный кунъ съ обрѣзавшаго
хвостъ. Впрочемъ угроза эта въ исполненіе не приводится.

Предразсудки и фанатизмъ остаются тоже не безъ вліянія на
взглядъ киргизовъ на преступленіе, вызывая иногда самыя возму-
тительныя преступленія. Такъ напр. у киргизовъ, вслѣдствіе созна-
нія своего племеннаго различія съ русскими, сложилось убѣжденіе,
что всякія отношенія къ русскимъ властямъ дозволяется вести такъ,
чтобы обмануть послѣднія. Прежде всего взглядъ этотъ отражается
на отношеніи киргизовъ къ русскому суду. Ложныя показанія, лож-
ные доносы, лжеприсяга—все это дозволено и даже болѣе, все это
похвально, потому что киргизъ находится здѣсь въ борьбѣ, потому
что онъ долженъ обойти противника, заставить его поступить
сообразно интересамъ киргиза. „Клычъ устенде, сертъ джокъ“, т. е.
мечъ условій не знаетъ, „джавга джанынды бэръ, сырынды бирме“,
т. е. врагамъ отдай душу, присягу, но не выдавай секрета.

Очень часто совершаются преступленія при леченіи больныхъ.
По возрѣнію киргизовъ, болѣзни происходятъ по волѣ шайтана,
поселяющагося въ челоѣкѣ. Для излеченія призывается колдунъ—
„бакса“, который лечитъ посредствомъ нашептыванія, молитвъ и
высасыванія червяка, для чего разрѣзываютъ тѣло, вызывая этимъ
иногда ушѣче и даже смерть.

Тяжелые роды тоже дѣло шайтана, а именно шайтана, на-
зываемаго „абластн“. Чтобы принести родильницѣ облегченіе,
надо отогнать шайтана. Вокругъ страдающей поднимается шумъ,
бросаются на нее съ пиками, союлами, трясутъ нежилосердно, а
въ концѣ весьма нерѣдко получается смерть родильницы.

Суевѣріемъ вызываются также нѣкоторые другіе проступки. Для предотвращения „джута“ хозяинъ скота долженъ поѣсть мясо краденаго барана; для отогнанія появившейся въ аулѣ оспы или повальной болѣзни на скотъ надо украсть въ одномъ изъ сосѣднихъ ауловъ барана, заколотъ его и вынутыми легкими ударять по большимъ людямъ или по больному скоту, а затѣмъ легкіе зарыть подалеже отъ аула. Мясо заколотого барана варятъ, ѣдятъ вмѣстѣ и ругаютъ при этомъ шайтана для того, чтобы онъ ушелъ въ легкое.

Здѣсь, наконецъ, надо упомянуть о прелюбодѣяннн, совершаемомъ бездѣтными киргизами съ лицами, имѣющими многочисленное потомство. Подобныя прелюбодѣяннн, совершаемыя единственно съ цѣлью имѣть дѣтей, не считаются киргизами нарушеніемъ супружеской вѣрности.

Понятіе объ умыслѣ, злой воли, у киргизовъ смѣшивается съ понятіемъ злобы, утонченности въ приведеніи въ исполненіе умысла и съ понятіемъ закоренѣлости и служить въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь причиной, увеличивающей взысканіе или наказаніе.

Киргизы не имѣютъ даже понятія о тѣхъ различіяхъ, которыя установлены криминалистами въ ученіи о внутренней сторонѣ преступленія; находясь въ настоящее время на той ступени развитія, на которой преобладаетъ взглядъ на преступленіе, какъ на дѣяніе, причиняющее вредъ другому лицу, киргизы прежде всего спрашиваютъ о размѣрахъ вреда, стараются вознаградить потерпѣвшаго, лишь изрѣдка, въ отдѣльныхъ случаяхъ, задаваясь вопросомъ о томъ, не доказываетъ ли фактъ преступленія того, что данная личность вообще вредна, что общество должно принять по отношенію къ ней извѣстныя предупредительныя мѣры.

Существуютъ у киргизовъ выраженія— „касъ кунѣмъ“, т. е. злой умыселъ, „кекъ“, т. е. мечь, но выраженія эти не имѣютъ скольконибудь опредѣленнаго юридическаго значенія и прилагаются къ случаямъ жизни весьма различно и большею частью стносятся ~~народомъ къ прошлому~~. Такъ, напр., киргизы утверждаютъ, что въ старину убійца, затаивавшій долгое время свое намѣреніе съ цѣлью привести его въ исполненіе при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, подвергался смертной казни, аулъ его разграблялся, а

родственники платили „кунь“ простой („кунь“ простой, т.е. штрафъ за убійство обыкновеннаго киргиза, равняется 50-ти верблюдамъ). Изучая, между тѣмъ, жизнь киргизовъ и рѣшенія ихъ бievъ, не встрѣчается нигдѣ тройныхъ и двойныхъ наказаній за обыкновенныя преступленія, напротивъ, существуетъ пословица, отрицающая возможность двухъ наказаній: „беръ кой данъ еке тере саймайде“, т.е. съ одного барана двухъ шкуръ не деруть (извѣстный приговоръ біл Туле по дѣлу объ убійствѣ хана, гдѣ убійца былъ приговоренъ къ смерти, а родители его къ уплатѣ громаднаго куна, не можетъ быть приведенъ въ доказательство возможности двухъ наказаній, потому что приговоръ состоялся при исключительныхъ условіяхъ — совершенно убійство хана орды). Бываютъ случаи, когда судъ бievъ увеличиваетъ и даже удваиваетъ установленное обычаемъ взысканіе, но при этомъ онъ не соединяетъ вмѣстѣ двухъ вполне различныхъ взысканій, а потому можно съ большей вѣроятностью полагать, что въ старину, сочетаніе куна, смертной казни и разграбленія аула никогда не имѣло мѣста. Мнѣнія объ этомъ, высказываемыя современными киргизами и не подтверждаемыя указазіями на конкретные случаи, появились въ позднѣйшее время и указываютъ на новый взглядъ, зарождающійся въ сознаніи народа.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ удастся наблюдать у киргизовъ усиленіе отвѣтственности, увеличеніе взысканія или наказанія, преобладаетъ матеріальный взглядъ на преступленіе, принимающій во вниманіе фактъ преступленія, внѣшнюю обстановку его, а не импульсы, руководившіе преступникомъ. Выше было указано на приговоръ біл Туле, увеличившій обыкновенное наказаніе за убійство въ виду того, что убито важнѣйшее лицо, ханъ. Здѣсь укажемъ еще на нѣсколько примѣровъ: убійство, сопровождавшееся истязаніемъ, влекло смерть убійцы, съ причиненіемъ ему тѣхъ-же истязаній, которыя причинены жертвѣ (въ настоящее время умышленныя убійства не подсудны суду бievъ); убійство, сопровождающееся сокрытіемъ трупа, влечетъ за собою увеличеніе куна, потому что сокрытіе трупа лишаетъ родственниковъ возможности устроить обязательныя поминки — „ашъ“. Кунъ, взыскиваемый въ послѣднемъ случаѣ, увеличивается за мужчину на 10—20 верблю-

родственники платили „кунъ“ простой („кунъ“ простой, т.е. штрафъ за убійство обыкновеннаго киргиза, равняется 50-ти верблюдамъ). Изучая, между тѣмъ, жизнь киргизовъ и рѣшенія ихъ биевъ, не встрѣчается нигдѣ тройныхъ и двойныхъ наказаній за обыкновенныя преступленія, напротивъ, существуетъ пословица, отрицающая возможность двухъ наказаній: „беръ кой данъ еке тере саймайде“, т.е. съ одного барана двухъ шкуръ не деруть (извѣстный приговоръ біи Туле по дѣлу объ убійствѣ хана, гдѣ убійца былъ приговоренъ къ смерти, а родичи его къ уплатѣ громаднаго куна, не можетъ быть приведенъ въ доказательство возможности двухъ наказаній, потому что приговоръ состоялся при исключительныхъ условіяхъ — совершенно убійство хана орды). Бываютъ случаи, когда судъ биевъ увеличиваетъ и даже удваиваетъ установленное обычаемъ взысканіе, но при этомъ онъ не соединяетъ вмѣстѣ двухъ вполне различныхъ взысканій, а потому можно съ большей вѣроятностью полагать, что въ старину, сочетаніе куна, смертной казни и разграбленія аула никогда не имѣло мѣста. Мнѣнія объ этомъ, высказываемыя современными киргизами и не подтверждаемыя указаніями на конкретные случаи, появились въ позднѣйшее время и указываютъ на новый взглядъ, зарождающійся въ сознаніи народа.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ удастся наблюдать у киргизовъ усиленіе отвѣтственности, увеличеніе взысканія или наказанія, преобладаетъ матеріальный взглядъ на преступленіе, принимающій во вниманіе фактъ преступленія, внѣшнюю обстановку его, а не импульсы, руководившіе преступникомъ. Выше было указано на приговоръ біи Туле, увеличившій обыкновенное наказаніе за убійство въ виду того, что убито важнѣйшее лицо, ханъ. Здѣсь указемъ еще на нѣсколько примѣровъ: убійство, сопровождавшееся истязаніемъ, влекло смерть убійцы, съ причиненіемъ ему тѣхъ-же истязаній, которыя причинены жертвѣ (въ настоящее время умышленныя убійства не подсудны суду биевъ); убійство, сопровождающееся сокрытіемъ трупа, влечетъ за собою увеличеніе куна, потому что сокрытіе трупа лишаетъ родственниковъ возможности устроить обязательныя поминки — „ашъ“. Кунъ, взыскиваемый въ послѣднемъ случаѣ, увеличивается за мужчину на 10—20 верблю-

довъ, а за женщину на 5—10 верблюдовъ и называется „свекъ-кунъ“. Впрочемъ, предѣлы эти не точны, они бываютъ гораздо больше и еще въ сентябрѣ 1884 г. на Урджарскомъ съѣздѣ бѣи по одному дѣлу объ убійствѣ съ сокрытіемъ трупа подо льдомъ наложили на виновнаго двойной кунъ, т. е. 100 верблюдовъ. Увеличиваются затѣмъ взысканія за преступленія, совершенныя противъ султановъ, особенно почетныхъ биевъ, въ особенности за оскорбленія, нанесенныя имъ при большомъ стеченіи народа; противъ родовичей, беззащитныхъ; если мѣстомъ преступленія былъ аулъ преступника; если преступленіе совершено во время рамазана (коранъ) и т. п.

Повтореніе преступленія не вліяетъ на возвышеніе взысканія. Каждое преступленіе, напр. нѣсколько убійствъ, разсматривается порознь и взысканіе, въ настоящее время исключительно уплата куна, опредѣляется за каждое порознь.

Уменьшается отвѣтственность, если преступленіе совершено нечаянно, малолѣтнимъ, пьянымъ, лицомъ обиженнымъ надъ обидѣвшимъ, въ горахъ, вдали отъ жилыхъ мѣстъ.

Возрастъ преступника, до недавняго времени, во вниманіе не принимался и только съ усиленіемъ вліянія магометанской культуры, при взысканіи съ преступника принимаютъ въ расчетъ года его, такъ что наказаніе для дѣтей моложе 13-ти лѣтъ, называемыхъ „сабий“ (араб.), уменьшается. Иногда, относительно дѣтей, равно какъ и относительно душевно больныхъ, практикуется испытаніе умственныхъ способностей, но подобные случаи весьма рѣдки и опредѣленныхъ правилъ испытанія не существуетъ. Киргизы рассказываютъ, что способомъ испытанія должно служить напр. предложеніе подозрѣваемому въ невѣроятности схватиться рукою за горящій предметъ, напр. пучъ зажженной соломы. Какъ на примѣръ испытанія, укажемъ здѣсь на слѣдующій рассказъ, весьма распространенный въ степи. Какой-то ханъ, имя котораго не сохранилось, былъ убитъ братомъ. Убійца вступилъ на престолъ и усыновилъ сына убитаго. Когда онъ однажды игралъ съ усыновленнымъ племянникомъ, то этотъ схватилъ ножъ и ранилъ своего пріемнаго отца. Послѣдній пожелалъ предать племянника смерти за покушеніе на убійство, но по представленію жены своей, матери ребенка, отказался отъ перваго намѣренія и

велѣлъ испытать способность малолѣтняго относиться сознательно къ своимъ дѣйствіямъ. Воткнули въ землю ножъ остриемъ вверхъ и предложили сыну хана пасть грудью на острие ножа. Мальчикъ исполнилъ предложеніе и бросился на ножъ, но такъ, что тяжестью тѣла нагнулъ ножъ въ сторону и вышелъ изъ испытанія невредимъ, за исключеніемъ незначительной раны на боку. Тогда всѣ присутствовавшіе убѣдились, что онъ дѣйствовалъ сознательно и сынъ убитаго хана былъ казненъ за покушеніе на убійство своего дяди.

Степеней участія въ преступленіи киргизы тоже не знаютъ. Всѣ, такъ или иначе причастные къ преступленію, отвѣчаютъ вмѣстѣ, платятъ одинъ и тотъ-же айпъ или кунъ по частямъ, или же отвѣтственности подвергается главный виновникъ, а затѣмъ уже онъ разсчитывается съ остальными, какъ знаетъ и можетъ. Исключеніе допускалось въ прежнее время въ одномъ лишь случаѣ. Человѣкъ, убившій кого-нибудь по приказанію другаго лица, подвергался смертной казни, а подстрекатель платилъ полный кунъ за казненнаго въ пользу родственниковъ послѣдняго. Вообще же «урди-гэнге зоргельмесь, урганга зоргелеръ», т. е. кто велѣлъ бить, не наказывается, кто билъ, тотъ наказывается. Названія, характеризующія роль cadaго отдѣльнаго лица, принимавшаго участіе въ преступленіи, слѣдующія: «кунекеръ», т. е. плательщикъ куна, главный виновникъ, «джартууль-басы», т. е. глава шайки, «азграучи» — подговорщикъ, подстрекатель, «комекче» — пособникъ.

Киргизами преслѣдуется вообще только оконченное преступленіе. Покушеніе остановленное даже по обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ преступника, не влечетъ за собой никакихъ взысканій. Только отдѣльные два—три случая выдѣляются въ особые преступленія и влекутъ за собой опредѣленные айпы. Такъ, за покушеніе на убійство взыскивается 1—3 тогузовъ, за угрозу лишить жизни—атъ-чопанъ айпъ, т. е. лошадь и халатъ. (Обрѣзаніе хвоста у лошади см. выше).

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о томъ, что при встрѣчѣ въ степи съ завѣдомымъ воромъ, у послѣдняго дозволяется отобрать лошадь и оставить его вѣшномъ, въ виду предположенія, что воръ отпразднелъ совершить преступленіе.

Взглядъ киргизовъ на преступника опредѣлитель дозольно трудно.

Не смотря на то, что по ихъ мнѣнію преступленіе оставляетъ на преступникѣ неизгладимое пятно, что по поговоркѣ— „бокъ джагманъ нетеды, джуса бетеды; ать танылганъ нетеды, сюе гемень нетеды“, т. е. замаранный навозомъ вымоется и все сойдетъ, а дурныя слова прекращаются со смертью,—не смотря на это, въ жизни встрѣчается множество примѣровъ, прямо противорѣчащихъ указанному взгляду. Не говоря уже о томъ, что тѣ изъ преступниковъ, которые скроются и, мучимые совѣстью, ведутъ строгій образъ жизни, пользуются большимъ почетомъ подъ именемъ несчастныхъ— „байгусъ“, нельзя здѣсь не указать на то, что почти каждая волость знаетъ и окружаетъ почетомъ лицъ, добывавшихъ состояніе преступными дѣйствіями, что многія изъ подобныхъ лицъ приобрѣтаютъ большое довѣріе. Характерна и та черта, что киргизы очень часто не преслѣдуютъ лицъ, совершившихъ преступленія, что преступникъ спокойно проживаетъ на своемъ мѣстѣ и никто не старается обнаружить его, равно какъ никто не выдаетъ бѣжавшаго съ каторги или ссылки и вернувшагося на свою родину. Отчасти отношеніе это объясняется отношеніемъ киргизовъ къ русскому суду. Поселившійся между ними антагонизмъ къ представителямъ полиціи и суду заставляетъ ихъ всѣми силами стараться сдѣлать изъ полиціи и суда орудіе, служащее ихъ цѣлямъ. Поэтому то, рядомъ съ множествомъ ложныхъ обвиненій, направленныхъ на то, чтобы причинить противнику возможно большій вредъ, часто встрѣчаются случаи скрыванія преступленія и преступника, если нѣтъ поблизости кого-нибудь заинтересованнаго въ раскрытіи истины.

Въ раздраженіи киргизъ не преминетъ упрекнуть преступника, назвать убійцу „канъ-шнеръ“, т. е. кровопійца, вора или грабителя „уру, мундеръ“, т. е. воръ, негодяй, но подобнымъ словамъ не придается значенія, они забываются всѣми, не оставляя никакихъ слѣдовъ, не вліяя нисколько на прежнія отношенія къ опозоренному.

Къ числу фактовъ, иллюстрирующихъ взглядъ киргизовъ на преступленіе и преступника, можетъ служить то обстоятельство, что почти каждый воръ находитъ въ своей волости вліятельныхъ защитниковъ, болѣе или менѣе заинтересованныхъ въ этой защитѣ, потому что часть краденнаго поступаетъ въ ихъ пользу. Укрыватели эти,

называемые „залимъ“, т. е. вредный, пользуются вообще безнаказанностью и изрѣдка только подвергаются штрафамъ, въ особенности если главные виновники не обнаружены. Чаше случается, что укры- ватель добровольно входитъ въ сдѣлку съ потерпѣвшими и удовлет- воряетъ ихъ за понесенный отъ преступленія вредъ. Кромѣ того, весьма многіе почетные и богатые киргизы, содержащіе джигитовъ для защиты своихъ стадъ отъ барантачей, посылаютъ этихъ джиги- товъ сами на баранту, увеличивая этимъ способомъ свое состояніе.

Самыми опасными классами въ степи являются постоянные конокрады, рекрутирующіеся изъ числа бродягъ всякихъ народ- ностей, преступниковъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія или послѣ наказанія. По установившемся еще во времена хановъ обычаю, лица эти пользуются до настоящаго времени покровительствомъ, и, какъ люди опытные, находятъ легко мѣсто у какого-нибудь богатаго киргиза, который, какъ выше описано, даетъ имъ воз- можность продолжать преступную дѣятельность, а въ случаѣ опас- ности защищаетъ ихъ своимъ авторитетомъ.

• Отношенія киргизовъ къ доносамъ и доносителямъ весьма раз- личны, смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ доносъ сдѣланъ. Оснвательный доносъ, сдѣланный народному суду, не только не считается предосудительнымъ, но даже похвальнымъ, а также киргизы не видятъ ничего дурнаго въ ложномъ доносѣ, сдѣланномъ русскимъ властямъ съ цѣлью повредить врагу, отомстить ему за при- чиненныя оскорбленія, вредъ, убытки. Иные роды доноса вызываютъ, напротивъ, горячій протестъ, а сами доносители считаются людьми дурными, къ нимъ прилагается множество оскорбительныхъ назва- ній и на ихъ счетъ существуютъ весьма недобрыя пословицы. Вотъ нѣкоторыя изъ означенныхъ выраженій: „бельдреучи“, „джала- каръ“—ябедникъ, „утрюкчи“—лгунъ, „учекчи“—сплетникъ, „бу- лреччи“—бунтовщикъ, „базувчи“—разстройщикъ. „Джазала ору- нынъ беръ бете кара; джазала айтактынъ еке бете кара“, т. е. у вора одна щека черная; у ложнаго доносчика обѣ щеки черны. Существующій у киргизовъ обычай платить вознагражденіе „чуюнчу“, тому, кто укажетъ похищенную вещь или похитителя ея, поддерживаетъ въ степи доносы и порождаетъ для нѣкото-

рыхъ лицъ особый промыселъ, состоящій въ ложномъ доносительствѣ. Чуюнча равняется приблизительно $\frac{1}{5}$ стоимости вещи.

Способъ доносить дѣлится на двѣ части: на открытое доносительство и на тайное. Открытый доносчикъ — „бетъ айгакъ“ является прямо къ потерпѣвшему, условливается на счетъ чуюнчи и затѣмъ беретъ на себя доказать истину словъ своихъ на судѣ.

Заочный доносчикъ — „сыртъ айгакъ“, условливаясь съ потерпѣвшимъ на счетъ чуюнчи, которая бываетъ большею частью весьма ничтожна, по сравненію съ похищеннымъ имуществомъ, не объявляетъ ни имени вора, ни обстоятельствъ, при которыхъ онъ узналъ о кражѣ и остается самъ въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла въ сторонѣ. Всѣ подробности онъ обязывается открыть кому-либо изъ почетныхъ киргизовъ и послѣдній принимаетъ на себя представленіе доказательствъ виновности, не указывая, на доносчика. Послѣдняя форма доносительства особенно развита между киргизами, потому что при ней доносчикъ избѣгаетъ неприятностей, которыя могутъ ему причинить преступники. Такъ какъ однако послѣдняя форма, т. е. закрытое доносительство, даетъ гораздо болѣе возможности къ злоупотребленіямъ, и ложные доносчики прибѣгаютъ почти исключительно къ ней, то вмѣстѣ съ тѣмъ она пользуется гораздо меньшимъ уваженіемъ, нежели открытое доносительство.

Ложные доносители преслѣдуются бѣями. Убѣдившись, что доносъ ложенъ, бѣи все-таки продолжаютъ разборъ дѣла и назначаютъ обвиняемому очистительную присягу. Раньше принятія присяги обвиняемый мирится съ потерпѣвшимъ, плати ему половину похищенного, а затѣмъ уже отыскиваетъ настоящаго вора и доносителя, если послѣдній былъ закрытымъ. Поиски приводятъ обыкновенно къ желанному результату и тогда начинается новое дѣло. Съ виновнаго взыскивается сполна стоимость похищеннаго въ пользу потерпѣвшаго, а невинно оговоренный получаетъ удовлетвореніе съ ложнаго доносчика, при чемъ съ послѣдняго взыскивается не только безвинно уплаченная половина похищеннаго, но и всѣ убытки по дѣлу, какъ-то: чуюнча, уплаченная ему, чуюнча, уплаченная за открытіе настоящаго вора, расходы по разъѣздамъ и розыскамъ и т. д.

Болѣе тяжкими преступленіями у киргизовъ считаются бо-

гох ульство, нарушение брачнаго союза, соединенное съ насиліемъ, убійство, оскорбленіе родителей и разграбленіе аула; менѣе важными—воровство, личныя оскорбленія, отказъ въ гостепріимствѣ. Преступленія, совершенныя противъ иновѣрцевъ и иноплеменныхъ, въ настоящее время преслѣдуются, хотя и смотрять на нихъ снисходительнѣе, нежели на преступленія противъ киргизовъ. Въ прежне-же время, во время независимости киргизовъ, преступленія, совершенныя противъ племень или народовъ, находившихся во враждебныхъ отношеніяхъ съ киргизами, не преслѣдовались: „дынь сызынь малы алааль, кызы алааль, каны алааль“, т. е. у невѣрующихъ можно взять скоть, дочь и кровь.

Наказанія за преступленія у древнихъ и современныхъ киргизовъ весьма сильно разнообразятся. Въ прежнее время существовали слѣдующія: смертная казнь чрезъ побиваніе камнями, повѣшеніе, перерѣзаніе горла и наконецъ, по преданію, растерзаніе лошадьми. Самой позорной считалась казнь чрезъ побіеніе камнями. Она приимѣнялась за преступленія противъ вѣры и отличалась медленностью и жестокостью. Каждый, пріѣзжавшій на казнь, долженъ былъ бросить въ приговореннаго камень, а самое бросаніе производилось не сразу, а въ извѣстные промежутки времени. Повѣшеніе приимѣнялось за прелюбодѣяніе замужней съ холостымъ. Имъ надѣвали на шею двѣ петли, сдѣланныя на концахъ одной веревки, которую перебрасывали чрезъ спину верблюда. Растерзаніе посредствомъ привязыванія къ конскимъ хвостамъ происходило слѣдующимъ образомъ: у преступника дѣлали въ нѣсколькихъ мѣстахъ на тѣлѣ глубокіе разрѣзы, въ которые продѣвали десять хвостовъ молодыхъ лошадей; затѣмъ лошади разгонялись въ разныя стороны. Казнь эта, впрочемъ, врядъ-ли когда-либо практиковалась; современные киргизы не помнятъ даже въ далекомъ прошломъ ни одного конкретнаго случая растерзанія лошадьми.

За смертной казнью шли разныя членовредительныя наказанія, какъ-то: отрѣзаніе уха, носа, губъ и рваніе ноздрей за прелюбодѣяніе холостаго или женатаго съ дѣвицей,—далѣе тѣлесное наказаніе плетью и кенжегами (ремни отъ сѣдла) за оскорбленіе родителей, причемъ преступника раздѣвали, связывали руки на спинѣ, и на верев-

кѣ, надѣтой на шею, водили по ауламъ, били и при этомъ произносили, за что бьютъ. Въ концѣ лѣстницы наказаній стоятъ имущественныя наказанія, самыя употребительныя въ древности, и единственныя изъ давнишнихъ, сохранившихся по настоящее время.

Взысканія эти распадалась и распадаются на куны и анны, т. е. большіе и малые штрафы скотомъ и вещами. Кунъ, какъ въ прежнее время, такъ и теперь полагается за простаго киргиза въ 100 взрослыхъ лошадей съ приплатой 27 верблюдовъ— „алты джаксы“, въ числѣ которыхъ одинъ черной одногорбой покрытый ковромъ— „кара-клемъ“; за простую киргизку—50 лошадей и $\frac{1}{2}$ приплаты, за султана—7 кунъ обыкновенныхъ, т. е. 700 лошадей, за женщину сулганскаго рода— $\frac{1}{2}$ султанскаго куна. Въ случаѣ сокрытія трупа убійцами, налагается особый кунъ съ приплатой за мужчину—10—20 верблюдовъ, а за женщину—5—10 верблюдовъ.

Слѣдующее наказаніе составляетъ $\frac{1}{2}$ куна за нѣкоторыя увѣчья, а далѣе идутъ разнообразныя штрафы— „аипъ“ отъ 3 тогузовъ (тогузь—девять означаетъ девять штукъ разнаго скота; самый употребительный тогузь тотъ, въ которомъ самую цѣнную штуку представляетъ обыкновенный верблюдъ) и кончая аипомъ „ать-тонъ“ или „ать-чопанъ“, т. е. лошадь и халатъ, который состоитъ изъ малоцѣнной лошади и куска бязи на халатъ. Тѣлесныя наказанія, за исключеніемъ вышеуказаннаго случая, а также лишеніе свободы составляютъ нововведеніе русскихъ и примѣняются киргизами весьма неохотно. Высшій размѣръ тѣлеснаго наказанія—60 ударовъ розгами, а лишенія свободы—арестъ на 1 мѣсяць.

Лишенія свободы, встрѣчавшіяся въ прежнее время и сохранившіяся въ разсказахъ, какъ-то: заковываніе въ конскія путы, сажаніе въ глубокія ямы примѣнялись для предотвращенія побѣга, а слѣдовательно наказаніями названы быть не могутъ.

Самымъ легкимъ наказаніемъ считается наконецъ испрошеніе прощенія.

При исполненіи нѣкоторыхъ наказаній, а именно при уплатѣ куна за убійство и при испрошеніи прощенія соблюдаются слѣдующіе обряды: когда родственники убитаго приближаются въ аулу убійцы для полученія куна, для нихъ выставляется особая

юрта, къ которой привязывается чернѣй баранъ и затѣмъ прѣзжающіе извѣщаютъ, что все готово для ихъ пріема. Прѣзжіе скачутъ къ юртѣ съ флагами и обнаженными шашками и съ крикомъ „ой, бауръ“, т. е. ой, родной, рубятъ на куски барана. Исполнивъ надъ бараномъ символическую казнь, прѣзжіе входятъ въ юрту и при входѣ ударяютъ шашками въ верхнюю перекладину двери. Тутъ къ нимъ являются родственники убійцы и начинаютъ переговоры о платежѣ куна. Виновный все это время, вплоть до заключенія мира, не является. Когда-же кунъ уплаченъ, то онъ приходитъ въ юрту и тутъ совершается обрядъ „ала арканъ кестѣ“, заключающійся въ слѣдующемъ: убійца и братъ убитаго держатъ концы пестрой веревки; къ нимъ подходитъ почетный киргизъ и разрѣзываетъ веревку, за что получаетъ халатъ. Съ момента перерѣзанія веревки вражда считается прекращенной.

Испрошеніе прощенія за личныя оскорбленія происходитъ публично, при большомъ стеченіи народа. Виновный подходитъ къ оскорбленному, снимаетъ свой аракинъ и кладетъ съ плечью у ногъ его говоря: „мене басымъ кесенъ, мене канымъ тексенъ“, т. е. рѣжь мою голову, проливай мою кровь. Въ отвѣтъ на это потерпѣвшій говоритъ: „кештымъ“, т. е. прощаю.

Уличенный въ прелюбодѣянніи, при входѣ въ юрту оскорбленнаго, подвергается слѣдующему оскорбленію: раньше чѣмъ онъ сядетъ, хозяинъ юрты говоритъ ему: „джаксы уйге кралмаймызъ, джаманъ уйге сыймаймызъ“, т. е. у хорошаго не принимается, у дурнаго не вмѣщается. Послѣ этого виновный уходитъ и не смѣетъ во всю жизнь явиться въ аулъ оскорбленнаго.

* Здѣсь, кстати, упомянемъ о наказаніи, примѣняемомъ за маловажныя проступки и состоящемъ въ томъ, что виновнаго сажаютъ на нѣсколько часовъ подъ три палки, вбитыя въ землю такъ, что ихъ верхніе концы сходятся, или подъ кереги (рѣшетку отъ юрты). Наказаніе это публично.

Преступленіями, всего чаще въ степи встрѣчаемыми, являются конокрадство и баранта, которая нерѣдко сопровождается не осторожнымъ убійствомъ или нанесеніемъ опасныхъ поврежденій, влекущихъ за собою смерть. Конокрадство за послѣдніе два десятка лѣтъ сдѣла-

лось настоящимъ бичемъ въ степи, отъ котораго страдаютъ одинаково какъ сами киргизы, такъ и жители поселковъ и деревень и проѣзжіе.

Что же касается баранты, то она совершается преимущественно въ случаяхъ неудовлетворенія какихъ-либо законныхъ требованій, при полной невозможности достигнуть удовлетворенія инымъ путемъ. Киргизъ, имѣющій какое-либо основаніе требовать съ другаго уплаты или вознагражденія, обращается къ послѣднему, проситъ расчитаться миромъ. При нежеланіи обязаннаго, онъ обращается къ родственникамъ его, а въ концѣ къ почетнымъ аксакаламъ рода того, съ кого слѣдуетъ получить удовлетвореніе. Переговоры тянутся иногда по нѣскольку дѣтъ и только потерявъ надежду въ возможность сведенія счетовъ мирнымъ путемъ, обиженный обращается къ помощи своихъ родовичей, объявляетъ имъ о своей претензіи и нежеланіи противниковъ удовлетворить его. Родовичи образуютъ шайку, вооружаютъ ее, преимущественно, соколами, айбалтами и пиками и посылаютъ угнать скотъ у одного изъ аксакаловъ того рода, къ которому принадлежитъ отвѣтчикъ для того, чтобы заставить аксакала вмѣшаться въ дѣло и доставить обиженному удовлетвореніе. Когда удовлетвореніе доставлено, то угнанный скотъ возвращается и стороны мирятся. Предводители шайки барантачей отличаются смѣлостью, смѣтливостью и умѣніемъ владѣть тяжелымъ и неудобнымъ киргизскимъ вооруженіемъ; ихъ ловкость выходитъ нерѣдко за предѣлы вѣроятнаго и часто въ степи встрѣчаются батыри и джигиты, которые сбрасывали пикой съ лошади десятки наѣздниковъ, не причинивъ имъ ни малѣйшей царапины. Поскольку батырь служить правому дѣлу, онъ пользуется уваженіемъ и почетомъ; въ послѣдніе годы однако батыри нерѣдко становятся во главѣ шаяекъ, занимающихся барантой какъ ремесломъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ значеніе батырей и вырождается баранта, этотъ остатокъ первобытнаго организованнаго самоуправства

ОТДѢЛЬНЫЕ РОДЫ И ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНІЙ:

1) ПРЕСТУПЛЕНІЯ РЕЛИГІОЗНЫЯ.

Выше было упомянуто, что въ прежнее время, за преступленія религіозныя киргизы приговаривали къ смертной казни. Такъ

утверждаютъ современные киргизы, хотя этому трудно вѣрить, зная индеферентность киргизовъ къ религиознымъ вопросамъ и вліяніе современныхъ муллъ и ходжей, направленное къ тому, чтобы разжечь въ нихъ фанатизмъ. Въ настоящее время, за исключеніемъ жеприсяги (о которой ниже), дѣла о преступленіяхъ религиозныхъ возникаютъ крайне рѣдко, и рѣшаются болѣею частью въ предѣлахъ аула старшими рода.

Относительно ложной присяги и ложнаго свидѣтельства необходимо различать древній и новый обычай. Въ древнее время, человекъ, принявшій ложную присягу, подвергался штрафу дѣнностью въ лошадь или верблюда, устранился на будущее время отъ присяги и участія въ общественныхъ дѣлахъ и считался опозореннымъ. Современные киргизы смотрятъ на ложную присягу снисходительнѣе и заставляютъ виновнаго лишь уплатить всѣ убытки, происшедшіе по причинѣ ложно принятой присяги, а рѣшенное на основаніи ея дѣло, рѣшаютъ вторично. Значеніе присяги у киргизовъ громадно, такъ какъ на двухъ видахъ ея, очистительной и подтвердительной, почти всецѣло покоится киргизскій процессъ. Именно: бѣи разсматривая дѣло почти всегда опредѣляютъ, чтобы дѣло кончилось присягой одной изъ сторонъ, при чемъ присягаютъ не непосредственно заинтересованные, а кто-нибудь изъ близкихъ имъ лицъ, по выбору противной стороны. Выбранный для присяги со стороны обвиняемаго или отвѣтчика, выбираетъ въ свою очередь изъ противной стороны человека, передъ которымъ онъ хочетъ присягать. Послѣдній призываетъ въ аулъ присягающаго и тутъ дѣло кончается простымъ рукопожатіемъ, отчего и самъ обычай называется „колчи“, т. е. принимающій руку. Болѣе торжествененъ второй видъ присяги, называемый „курмалдыкъ“, т. е. жертвоприношеніе. Избранный для принятія очистительной присяги призываетъ къ себѣ обвиняемаго съ его родственниками, заставляетъ ихъ колоть чернаго барана, обходить вокругъ себя и поклясться, что обвиняемый невиновенъ. Затѣмъ самъ присягатель отправляется къ потерпѣвшимъ и принимаетъ присягу, обходя вокругъ могилы какого-нибудь извѣстнаго и почетнаго киргиза.

Многіе смотрятъ до настоящаго времени на присягу, какъ на

весьма серьезное дѣло и всѣми силами стараются избавиться отъ нея. Есть въ степи дѣльные роды, напр. Кунанбаевыхъ, разъ навсегда освобожденные отъ присяги и никто изъ членовъ такого рода не можетъ быть избираемъ для присяги. Иные, для того, чтобы избѣгнуть присяги, соглашаются уплатить половину иска изъ своего имущества и это называется „джанъ садагасы“, т. е. выкупъ души, такъ какъ присяга называется „джанъ берю“, т. е. душедааніе. Присяга по дѣламъ, производящимся въ русскихъ учрежденіяхъ, передъ русскими властями, никакого значенія для киргизовъ не имѣетъ. Безъ всякаго зазрѣнія совѣсти киргизъ всегда готовъ на послѣднюю, не имѣя никакого понятія о тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ онъ призванъ дать показаніе, или же зная, что его показаніе ложно. Это отношеніе вліяетъ и на значеніе присяги передъ народнымъ судомъ и въ настоящее время, по отзывамъ самихъ киргизовъ, ложная присяга представляется въ степи весьма обыкновеннымъ явленіемъ.

2) ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ЛИЧНОСТИ.

Выше было указано на существовавшія въ прежнее время строгія наказанія за лишеніе жизни. Въ настоящее время, съ изъятіемъ умышленнаго убійства изъ вѣдѣнія народнаго суда и съ ограниченіемъ его компетенціи лишь незначительными наказаніями, бій могутъ разбирать лишь дѣла о неосторожномъ убійствѣ (съ 1884 г.)¹⁾, а практикуемое ими наказаніе—уплата куна въ означенныхъ выще (стр. 71) размѣрахъ. Болѣе часто является расправа родственниковъ убитаго—остатокъ прежней кровной мести. Она выражается въ барантахъ, грабежахъ, ложныхъ обвиненіяхъ и проч. и продолжается, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, до тѣхъ поръ, пока не наступитъ примиренія, сопровождающагося символической казнью надъ чернымъ бараномъ.

Оставленіе въ опасности человека не считается преступленіемъ; киргизы помнятъ лишь одинъ случай, когда бій Туле, разбирая дѣло о замерзшемъ человѣкѣ, котораго не спасъ проѣзжающій, выразился о послѣднемъ, что онъ долженъ уплатить $\frac{1}{2}$ куна за

¹⁾ Послѣдними указами Сената разъяснено, что за смертоубійство вообще киргизы судятся по общимъ законамъ Имперіи.

замерзшаго, если бытъ самъ въ волчьей шубѣ и долженъ быть оправданъ, если бытъ въ бараньей шубѣ. При нападеніяхъ барантачей верѣде) оставляется какой нибудь человекъ во власти враговъ или на полѣ драки въ безпомощномъ состояніи, но это происходитъ какъ по трусости киргизовъ, такъ и потому что они боятся, чтобы въ случаѣ смерти не пало на нихъ подозрѣніе и родственники не стали выскивать съ нихъ кунъ за умершаго.

Самоубійство—явленіе крайне рѣдкое между киргизами (это не относится къ умалишеннымъ, которые часто кончаютъ жизнь повѣшеніемъ). На самоубійцъ смотрятъ весьма различно, смотря по мотивамъ самоубійства. Между тѣмъ какъ обыкновенно надъ самоубійцей не читается молитвъ, и онъ считается не вѣрующимъ, нѣкто Тумарбай Бійтыковъ (Акчаулинской вол. Сергіопольскаго уѣзда) пользуется славой героя. Тумарбай былъ жестоко оскорбленъ киргизомъ Кебежаномъ, но такъ какъ послѣдній былъ очень вліятеленъ и находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ султанами, то Тумарбай не могъ получить удовлетворенія. Онъ созвалъ своихъ родичей на пирь (той) рассказалъ имъ о поступкѣ Кебежана и объявилъ, что не можетъ пережить оскорбленія, а потому, завѣщая мечь, лишаетъ себя жизни и тутъ же ножомъ распоролъ себѣ животъ.

Тѣлесныя поврежденія преслѣдуются смотря по тяжести ихъ и по тому, намѣренно-ли они причинены. Такъ, за лишеніе глаза, уха и правой руки полагается $\frac{1}{2}$ куна, за лѣвую руку $\frac{1}{4}$ куна, за поврежденіе ноги, влекущее за собою сильную хромоту,— $\frac{1}{2}$ куна; если-же потерпѣвшій прихрамываетъ лишь слегка,— $\frac{1}{4}$ куна, а если онъ можетъ ходить безъ костыля, то всего 1—3 тогузовъ; за неосторожное отрубленіе 5-ти пальцевъ на рукѣ — $\frac{1}{2}$ куна, а на ногѣ— $\frac{1}{4}$ куна, за большой палецъ правой руки—два тогуза, за указательный—одинъ тогузъ, средній—верблюдь, безъмянный и мизинецъ—по лошади и верблюду; на лѣвой рукѣ за большой палецъ—одинъ тогузъ, указательный—лошадь и верблюдь, средній—лошадь и халать, безъмянный и мизинецъ—по верблюду. За умнѣненное лишеніе одного изъ пальцевъ на рукѣ полагается штрафъ за всѣ пальцы. На ногахъ большіе пальцы цѣнятся по верблюду, остальные-же—по лошади. Изъ зубовъ всего дороже

цѣнятся рѣзцы—по тогузу; находящіеся рядомъ съ рѣзцами—по верблюду, а остальные—по лошади и халату.

За причиненіе выкидыша штрафы разнообразятся, смотря по степени развитія плода. Плодъ, выкинутый въ два послѣдніе мѣсяца, вызываетъ платежъ $\frac{1}{2}$ куна, на 6 и 7-мъ мѣсяцѣ беременности—3 тогуза; ранѣе того, если плодъ сформированъ, но не показываетъ признаковъ жизни,—2 тогуза; пока же онъ представляетъ безформенную массу—одинъ тогузъ. За серьезныя поврежденія, влекущія за собою продолжительное леченіе, виновный даетъ потерпѣвшему годовое содержаніе и покрываетъ расходы по леченію; въ случаѣ же смерти, платитъ кунъ.

Раны, смотря по важности, вызываютъ уплату штрафа отъ одного тогуза до барана. Нанесеніе побоевъ и оскорбленій дѣйствіемъ наказывается штрафомъ въ лошадь и халатъ, но и этотъ незначительный штрафъ можетъ быть смягченъ, если виновный извинится. За побои и оскорбленія въ дракѣ, когда нельзя разобрать, кѣмъ они нанесены, отвѣтственность падаетъ на зачинщиковъ. Оскорбленія на словахъ вообще у киргизовъ не преслѣдуются, если они нанесены не почетному лицу. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда оскорбленъ какойнибудь аксакаль, равно какъ и при всѣхъ оскорбленіяхъ дѣйствіемъ, бѣи присуждаютъ виновнаго къ уплатѣ штрафа въ лошадь и халатъ (атъ-чопанъ аипъ) или къ испрошенію извиненія, съ соблюденіемъ обряда, описаннаго выше. Если оскорбитель не желаетъ извиниться, то предоставляется сдѣлать это одному изъ его почетныхъ родственниковъ. Къ юртѣ оскорбленнаго приводится лошадь, предназначенная для уплаты штрафа, а принявшій на себя обязанность извиниться, входитъ въ юрту и извиняется, за что получаетъ лошадь.

Самыми тяжкими считаются оскорбленія, нанесенныя родителями, въ особенности сыномъ отцу. Но такъ какъ налагаемое за это варварское наказаніе плетью въ настоящее время непримѣнимо, то дѣла подобныя до суда бѣевъ не доходятъ и съ виновнымъ разбираются его старшіе родственники, по своему усмотрѣнію.

Оскорбительнѣйшими считаются слѣдующія выраженія: „ишаньнъ джовъ денсызъ“, т. е. некающійся и неѣрующій, „антъ-турганъ“—проклятый, „худай урганъ“—Богомъ проклятый, „дюзунъ“

кара" — черная совѣсть, „уру" — воръ, „донгусъ" — свинья, „мть" — собака, „арзысь" — безсовѣстный и т. д.

3) НАРУШЕНІЕ ПРАВЪ СЕМЕЙНЫХЪ.

Существовавшія ранѣе у киргизовъ наказанія за прелюбодѣяніе въ настоящее время не примѣнимы, вслѣдствіе строгости своей, а потому и самыя преступленія эти, не потерявшія въ глазахъ, киргизовъ прежняго значенія, влекутъ за собою своеобразную расправу, неизмѣняющую ничего общаго со старыми обычаями и весьма мало похожую на сколько нибудь правильно организованный судъ. Сожительство неженатаго съ незамужней, влекшее за собою рваніе ноздрей, отрѣзаніе губъ или ушей, вызываетъ у современныхъ киргизовъ опозорѣніе посредствомъ отрѣзанія кося у провинившейся и хвоста у лошади провинившагося, но это совершается помимо суда. На судѣ же, до котораго подобныя дѣла рѣдко доходятъ, весь вопросъ сводится къ опредѣленію штрафа и калыма. Такъ за просватанную дѣвицу или взыскивается калымъ въ пользу жениха, отказывающагося отъ измѣнившей невѣсты, или же требуется возвратъ изнасилованной съ уплатой штрафа отъ 1—3 тогузовъ, которые взыскиваются, въ случаѣ несостоятельности виновнаго, съ его родственниковъ.

Любовная связь съ непросватанной влечетъ за собою, при равномъ экономическомъ положеніи обѣихъ сторонъ и при согласіи виновныхъ, выходъ замужъ дѣвушки за обольстившаго ее, — а въ случаѣ, если виновный не состоятеленъ, а родители дѣвушки люди зажиточные, то виновный платитъ штрафъ въ размѣрѣ отъ 1—3 тогузовъ и изгоняется изъ аула оскорбленныхъ, какъ это описано выше (см. стр. 2). Виновный въ изнасилованіи чужой жены или въ обольщеніи ея никогда не призывается прямо въ судъ биевъ. Чаще всего оскорбленный мужъ ограничивается тѣмъ, что съ женой расправляется домашнимъ порядкомъ, посредствомъ нанесенія побоевъ, а съ виновнаго получаетъ вознагражденіе отъ 1—3 тогузовъ. Если однако виновный не соглашается платить добровольно, то мужъ обращается къ біямъ и заявляетъ, что виновный укралъ у него ночью какую-нибудь вещь. Біи, понимая, что подъ вымышленнымъ обвиненіемъ кроется обвиненіе въ нарушеніи виновнымъ

супружеской чести потерпѣвшаго будто-бы отъ кражи, приговариваютъ обвиняемаго къ наказанію розгами и уплатѣ штрафа за кражу.

Въ заключеніе здѣсь слѣдуетъ упомянуть о томъ, что со времени подчиненія киргизовъ русскимъ властямъ, ихъ взгляды на семейныя, а въ особенности брачныя отношенія, не могутъ вылиться въ жизни въ полное и чистое видѣ, благодаря тому, что весьма часто женщины, преслѣдуемыя мужьями или родственниками за нарушеніе семейныхъ и брачныхъ отношеній, обращаются за содѣйствіемъ къ русскимъ властямъ. Послѣднія, криминая къ дѣлу свои взгляды, идущіе въ разрѣзъ съ правосознаніемъ киргизовъ, создаютъ вполне чуждыя киргизамъ отношенія, которыя въ концѣ-концовъ доводятъ по отдѣльнымъ случаямъ до семейной вражды съ ея неизбежными спутниками грабежемъ, барантой и ложными обвиненіями.

4) ПРЕСТУПЛЕНІЯ ИМУЩЕСТВЕННЫЯ.

Преступленія имущественныя, по киргизскимъ обычаямъ, представляются въ сравнительно простомъ видѣ. Многія подраздѣленія ихъ, установленныя наукой и правомъ цивилизованныхъ народовъ, отсутствуютъ въ степи, такъ что грабежъ, кража, мошенничество, присвоеніе приравняются другъ къ другу и подводятся подъ одну общую категорію, которую можно бы назвать похищеніемъ чужаго имущества. Обстоятельства, служащія у насъ основаніями для проведенія родового различія между разными преступленіями, напр. насиліе, составляющее отличительный признакъ грабежа, выдѣляется у киргизовъ въ самостоятельное преступленіе, влекущее за собою отдѣльное наказаніе. Нѣкоторое различіе имѣется впрочемъ въ названіяхъ: грабитель называется „зордукъ“, т. е. берущій силой, а похищающій вещь тайно—„уру“, т. е. воръ. Такимъ образомъ, похищеніе имущества съ насиліемъ, напр. нанесеніемъ раны, наказывается, какъ за похищеніе вещи и нанесеніе раны. ~~Зато~~ у киргизовъ существуетъ другое дѣленіе, сохранившееся лишь въ незначительной степени въ законодательствахъ западныхъ народовъ, это—дѣленіе похищенія на дозволенное, непреслѣдуемое и на недозволенное. Къ первому относится прежде всего баранта,

какъ самоуправное осуществленіе своего права, взятіе отцомъ вещи у сына, внукомъ у дѣда и родственникомъ у родственника скота на уплату долга, прокормленіе себя и своего семейства, въ случаѣ нужды, взятіе лошади подъ жиръ или для преслѣдованія воровъ, если собственникъ лошади отказался дать ее добровольно, отнятіе лошадей у завѣдомыхъ воровъ въ степи, если есть основаніе подозрѣвать, что они отравляются на воровство и наконецъ взятіе добычи, пойманной беркутомъ. Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ похищеніе не считается преступнымъ и не влечетъ за собою никакой отвѣтственности, кромѣ обязанности возвратить родственнику въ цѣлости лошадь, взятую подъ жиръ или для преслѣдованія воровъ или-же скотъ, взятый для прокормленія себя и семейства.

Всего распространеннѣе у киргизовъ кража скота, а именно лошадей. Что-же касается вещей, то онѣ рѣдко составляютъ объектъ кражи и по отношенію къ нимъ киргизы, проживающіе въ степи, весьма безпечны. Такъ, у нихъ не только оставляются отпертыми юрты во время отсутствія хозяевъ, но даже въ лѣтніе мѣсяцы, въ кочевое время, на зимовкахъ оставляются многія вещи, неудобныя для перевозки или-же лишнія лѣтомъ. Вещи эти частью зарываются въ землю или кій (топливо изъ бараньяго помета) или же прячутся въ ущелья горъ и скалъ. За послѣднее время стали впрочемъ появляться изрѣдка случаи кражъ изъ зимовокъ, а потому богатые киргизы оставляютъ на лѣто при своихъ зимнихъ помѣщеніяхъ сторожей, которымъ даютъ для прокормленія необходимый скотъ.

Кромѣ указанныхъ случаевъ, встрѣчаются еще кражи вещей женщинами, тайно уходящими изъ аула родителей или мужа, кража дикихъ звѣрей, пойманныхъ въ капканы, и затѣмъ въ городахъ и селеніяхъ — всѣ виды кражи, перенятыя киргизами у русскихъ и татаръ и практикуемыя преимущественно по отношенію къ нимъ. Нормальнымъ видомъ похищенія, служащимъ такъ сказать мѣриломъ по отношенію ко всѣмъ другимъ видамъ, является кража лошадей въ своей волости, за что виновный ранѣе приговаривался: къ штрафу въ пользу потерпѣвшаго — „мойна косакъ кутене тыркеу“, т. е. къ шеѣ привязать, къ хвосту привязать, и къ „камандатъ“, т. е. кровавая лошадь, подъ чѣмъ подразумѣвалась обязанность отдать по-

терпѣвшему и ту лошадь, на которой воръ совершилъ кражу;—къ „ханлыкъ“—штрафу въ пользу хана, равному одному верблюду и „бійлыкъ“—штрафу въ пользу судей, равному лошади и халату.

Въ настоящее время примѣняется только первая часть наказанія—штрафъ мойна косакъ кутене тыркеу. Штрафъ этотъ состоитъ въ томъ, что воръ, кромѣ украденнаго, возвращаетъ еще двойное количество лошадей, но ниже цѣнностью. Такъ, если украдено, положимъ, 5 взрослыхъ лошадей, то воръ возвращаетъ 5 взрослыхъ лошадей, 5 3-хъ лѣтокъ и 5 2-хъ лѣтокъ. Отъ этого нормальнаго штрафа идетъ цѣлый рядъ градацій вверхъ и внизъ, смотря по важности кражи и обстоятельствъ, увеличивающимъ или уменьшающимъ виновность.

Уменьшается наказаніе преимущественно если кража совершена въ чужой волости. Въ этомъ случаѣ бии иногда приговариваютъ виновнаго лишь къ возвращенію половины украденнаго. Правило это допускаетъ впрочемъ на практикѣ множество исключеній, такъ какъ бии руководствуются преимущественно отношеніемъ биевъ потерпѣвшей волости къ своей волости, и если они наказываютъ строго своихъ воровъ, то и сосѣдніе бии считаютъ своей обязанностью платить тѣмъ-же.

Увеличивается наказаніе за кражу по весьма многимъ причинамъ. Ранѣе уже было замѣчено, что кража священныхъ предметовъ и кража въ степи у извѣстнаго вора челоуѣка усиливаютъ взысканіе. Здѣсь отмѣтимъ еще, что кража считается тѣмъ позорнѣе, чѣмъ легче ее совершить. Поэтому кража неохраемыхъ вещей и кража платья у дѣтей и женщинъ влекутъ за собою наказаніе, доходящее до удвоеннаго нормальнаго штрафа. На томъ-же основаніи преслѣдуется строже кража барановъ, если она не достигаетъ значительныхъ размѣровъ (бараны оберегаются слабѣе, нежели остальной скотъ). Наказаніе за кражу барановъ полагается слѣдующее: за кражу 1—9 барановъ виновный уплачиваетъ, сверхъ украденнаго, 9 барановъ одинаковой стоимости съ украденными, напр. за одного барана онъ возвращаетъ десять, за 2-хъ 11, за 3-хъ 12 и т. д. За кражу свыше 9 барановъ примѣняется нормальный штрафъ „мойна косакъ кутене тыркеу“. Усиливается такъ-

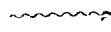
же наказаніе за кражу такъ называемой траурной лошади „тулди-атъ“, т. е. любимой лошади умершаго киргиза, предназначенной для закола при поминкахъ. Наконецъ обстоятельствомъ, всего болѣе вліяющимъ на усиленіе наказанія за кражу, слѣдуетъ признать степень испорченности виновнаго, которая заставляетъ иногда бievъ прибѣгать къ непопулярному у киргизовъ наказанію розгами.

Изъ всей массы имущественныхъ преступленій у киргизовъ выдѣляются два, подходящія подъ наше понятіе поврежденія и истребленія чужаго имущества. Преступленія эти — обрѣзаніе хвоста у лошади и разрушеніе аула. Выше было указано, что обрѣзаніе хвоста у лошади заключаетъ въ себѣ элементы угрозы и оскорбленія и что это обстоятельство вліяетъ на установленіе спеціальнаго наказанія, равняющагося половинѣ стоимости обезображенной лошади.

Разрушеніе аула считается весьма тяжкимъ преступленіемъ и влечетъ за собою сложное и тяжелое наказаніе. Виновные обязываются возвратить все разграбленное, возмѣстить стоимость всего разрушеннаго, уплатить айпы и кунны за всѣ увѣчья, побои, раны и проч. преступленія, совершенныя при разореніи аула и сверхъ того у нихъ отнимаются всѣ лошади, на которыхъ они пріѣхали разрушать ауль.

Мошенничество и обманъ практикуются киргизами очень часто, въ особенности въ городахъ. Въ степи развиты преимущественно ложные допросы для полученія чуюнчи и обманное полученіе лошади или скота для пользованія. Наказаній за мошенничество и обманъ киргизы не знаютъ; преступленія эти служатъ поводомъ для вчинанія исковъ, при чемъ виновный приговаривается къ уплатѣ убытковъ и уплатѣ 10% со стоимости иска въ пользу бievъ (бійлыкъ). 10% взыскиваются всегда, какъ при рѣшеніи гражданскихъ, такъ и при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ и поступаютъ всецѣло въ пользу бievъ. Эта значительная плата составляетъ не маловажное взысканіе, падающее на отвѣтчика или на виновнаго, если искъ или обвиненіе признаны хоть отчасти основательными, а на истца или обвинителя лишь въ томъ случаѣ, если въ искѣ ему вполнѣ отказано или обвиненіе не доказано.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

I. Семейное право.

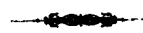
	стр.
Бракъ	1
Заключеніе брака	2
Обрядъ сватовства и свадьбы у киргизовъ	14
Прекращеніе брака	23
Отношеніе между членами семьи	28
Опека и попечительство	34

II. Имущественное право.

Захватъ и завладѣніе	39
Дареніе	44
Договоры	48
Личный наемъ	56

III. Уголовное право.

Преступленіе и наказаніе вообще	59
Отдѣльные роды и виды преступленій:	
1) Преступленія религіозныя	73
2) Преступленія противъ личности	75
3) Нарушеніе правъ семейственныхъ	78
4) Преступленія имущественныя	79.

О П Е Ч А Т К И:

СТРАНИЦА.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	НАДО ЧИТАТЬ:
26	9	сверху . .	супруговъ
29	6	» . .	супруговъ
29	10	» . .	ею
29	17	» . .	принимаемая
29	19	» . .	киргизская
40	16	» . .	киргизская
42	2	» . .	невѣстѣ
46	1	» . .	невѣстѣ
58	1	» . .	заселить
58	10	снизу . .	заселить
60	5	» . .	истукана
68	5	» . .	истукана
61	19	» . .	упадокъ
68	16	» . .	упадокъ
		» . .	антагонизмъ
		сверху . .	антагонизмъ
		снизу . .	себѣ
		» . .	себѣ
		» . .	contraventione
		» . .	contravention
		» . .	относятся
		сверху . .	относятся
		» . .	конкретные
		» . .	конкретные
		» . .	основательный
		» . .	основательный